

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ЦЕНТР МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЕАЭС И ШОС: ПО ПУТИ ВЗАИМОВЫГОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО КРУГЛОГО СТОЛА
ПО ИННОВАЦИЯМ
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Минск, 20 апреля 2021 г.

Минск
БГУ
2021

УДК 327((1-67)ЕАЭС:(5)ШОС)(06)+339.92((1-67)ЕАЭС:(5)ШОС)(06)
ББК 66.4я431+65.5я431
Е11

Редакционная коллегия:
О. Н. Лешенюк (гл. ред.), А. М. Байчоров,
А. В. Шарапо, А. С. Бояшов

Е11 **ЕАЭС и ШОС: по пути взаимовыгодного сотрудничества : материалы междунар. круглого стола по инновациям в междунар. исслед., Минск, 20 апр. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. Н. Лешенюк (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – 73 с.**
ISBN 978-985-881-216-4.

Центр международных исследований – участник форума Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) – 20 апреля 2021 г. провел международный круглый стол по инновациям в международных исследованиях.

Представители академического сообщества, ведущие специалисты и эксперты обсудили политические, экономические, интеграционные и другие вопросы в рамках деятельности ЕАЭС и ШОС.

УДК 327((1-67)ЕАЭС:(5)ШОС)(06)+339.92((1-67)ЕАЭС:(5)ШОС)(06)
ББК 66.4я431+65.5я431

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дударёнок А. С., Пентегова А. В.</i> Адаптационный потенциал ШОС и ЕАЭС в реалиях постковидного мира	4
<i>Жовнерик А. Л., Свилас С. Ф.</i> Влияние пандемии COVID-19 на китайскую инициативу «Один пояс, один путь»	10
<i>Иванцов А. В.</i> Анализ возможностей и перспектив сопряжения основных направлений развития Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути в контексте формирования новых глобальных экономических партнерств	15
<i>Поболь А. И.</i> Потребности и инструменты обеспечения цифровой трансформации промышленности в странах ЕАЭС	22
<i>Сокол В. А., Свилас С. Ф.</i> Об эволюции инициативы «Один пояс, один путь» в условиях и под влиянием пандемии COVID-19	27
<i>Станкевич Ю. В., Свилас С. Ф.</i> Германо-китайские отношения и пандемия COVID-19	34
<i>Тунлага</i> Монголия и ШОС: по пути взаимовыгодного сотрудничества	40
<i>Филимонова А. Ф., Свилас С. Ф.</i> Об отношениях Российской Федерации и КНР в рамках БРИКС	55
<i>Чжоу Лэчжэн</i> Роль Китая в создании и деятельности Шанхайской организации сотрудничества (2001–2012 гг.)	62
<i>Haz-Gomez F. E.</i> Post-COVID-19 situation: challenges for the European Union and the Eurasian Economic Union	68

АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ШОС И ЕАЭС В РЕАЛИЯХ ПОСТКОВИДНОГО МИРА

А.С.Дударёнок

*Белорусский институт стратегических исследований,
пр. Победителей, д.7, 220004, г. Минск, Беларусь, dudarenok@bisr.by*

А.В.Пентегова

*Белорусский институт стратегических исследований,
пр. Победителей, д.7, 220004, г. Минск, Беларусь, pentegova@bisr.by*

В статье рассматривается адаптационный потенциал Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как ключевых элементов системы международного сотрудничества в Евразии, которая направлена на обеспечение благоприятной для устойчивого развития международной обстановки. Фундаментом для объединения стран с различными политическими системами, традициями и ценностями выступают сферы безопасности и торгово-экономические отношения.

На развитие интеграционных процессов в Большой Евразии оказывают существенное влияние общие вызовы безопасности для входящих в регион государств. Существенным фактором для поиска международными организациями новых стратегий развития выступает реакция на обстановку и процессы, происходящие в странах – участницах и соседних регионах.

COVID-19 внес существенный диссонанс в существующие торгово-экономические связи, оказывает прямое влияние на состояние мира и стабильности, методы и механизмы межгосударственной коммуникации в Большой Евразии. В условиях мирового экономического спада государствам выгодна межрегиональная экономическая кооперация и взаимодействие посредством выстраивания транснациональных логистических коридоров, в том числе на пространстве ЕАЭС и ШОС. Поддержание в евразийском регионе доверительных межгосударственных отношений на основе реализации инфраструктурных проектов, трансформации экономических систем и развития каналов гуманитарной помощи способно преодолеть современные вызовы.

Ключевые слова: ШОС; ЕАЭС; Республика Беларусь; пандемия коронавируса; интеграционные процессы; безопасность; многостороннее взаимодействие.

ADAPTATION POTENTIAL OF THE SCO AND THE EAEU IN THE REALITIES OF THE POST-COVID WORLD

A. Dudaronak (corresponding author)

*Belarusian Institute of Strategic Research,
Pobediteley Ave., 7, 220004, Minsk, Belarus, dudarenok@bisr.by*

A. Pentegova

*Belarusian Institute of Strategic Research,
Pobediteley Ave., 7, 220004, Minsk, Belarus, pentegova@bisr.by*

The article examines the adaptive potential of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and the Eurasian Economic Union (EAEU) as the key elements of the system of international cooperation in Eurasia, which aimed at ensuring a favorable international environment for the sustainable development. The main basis for the unification of countries with different political systems, traditions and values are the security sphere, so as trade and economic relations.

The development of the integration processes in Greater Eurasia is significantly influenced by the common security challenges for the states of the region. A important factor in the process of searching by international organizations for the new development strategies is the reaction to the situation and the processes, which are taking place in the countries in this region and among their neighbors. The rapprochement of Belarus with the SCO is connected with the key stages of the formation of the security architecture and the system of trade and economic cooperation of the entire Eurasian continent.

COVID-19 has made a significant dissonance in the existing trade and economic relations, including a direct impact on the state of peace and stability, methods and mechanisms of interstate communication in Greater Eurasia. In the context of the global economic downturn, its states would benefit from interregional economic cooperation and interaction through the construction of transnational logistics corridors, including in the EAEU and SCO space. Maintaining trust-based interstate relations in the Eurasian region through the implementation of infrastructure projects, the transformation of economic systems and the development of humanitarian aid channels can overcome modern challenges.

Keywords: *SCO; EAEU; The Republic of Belarus; coronavirus pandemic; integration processes; security; multilateral cooperation.*

Формирование архитектуры безопасности в Евразии основано на стремлении входящих в регион государств обеспечить благоприятную для совместного устойчивого развития обстановку. Ключевое влияние на реализацию данного процесса оказывают общие вызовы безопасности, возникающие в странах ЕАЭС и ШОС, а также в регионах по периметру зоны ответственности организаций. В частности, одним из важнейших элементов системы международного взаимодействия в Евразии является Шанхайская организация сотрудничества. Возникновение ШОС как постоянно действующей межправительственной международной организации было обусловлено наметившимся после распада

биполярной системы международных отношений процессом сближения Китая, России и стран постсоветского пространства, оказавшихся перед лицом общих вызовов: территориально-пограничных споров, распространения терроризма, сепаратизма, экстремизма, международной преступности. Государства осознали необходимость выстраивать сотрудничество на основе принципа невмешательства во внутренние дела друг друга, нуждались в согласовании своих позиций в регионе.

Фундаментом для объединения на евразийском пространстве стран с различными политическими системами, традициями и ценностями выступают сферы безопасности и торгово-экономические отношения. Так, общей целью, стоявшей перед государствами «Шанхайской пятёрки» (Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, позже к ним присоединился Узбекистан), стало обеспечение благоприятной международной обстановки, исходя из принципов «шанхайского духа» (взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства, взаимных консультаций, уважения к многообразию культур и стремления к совместному развитию) [1].

Близкие к «шанхайскому духу» идеи лежат и в основе внешней политики Республики Беларусь, что также предопределило интерес к данной организации. В 2005 г. Беларусь подала заявку на получение статуса партнера по диалогу, в 2010 г. оказалась первой европейской страной в ШОС, которая реализовала данный механизм взаимодействия, в 2015 г., получив статус наблюдателя, – единственным полностью европейским государством, которое присоединилось к работе организации. При этом сближение с ШОС связано с ключевыми этапами формирования архитектуры безопасности и системы торгово-экономического взаимодействия всего евразийского континента.

Институализация ШОС из механизма «шанхайской пятёрки» в более широкий и структурированный формат происходила на фоне общих проблем региональной безопасности в Центральной Азии, необходимости стабилизации обстановки в Афганистане, роста напряженности между Пекином и Вашингтоном. Существенным фактором для поиска новых стратегий развития ШОС выступала реакция на обстановку и процессы, происходящие в странах – участниках и регионах по периметру зоны ответственности организации.

С одной стороны, с конца 2010 г. Ближний Восток и Северная Африка оказались под влиянием событий, получивших название «арабской весны», которые стали спусковым крючком для массовых протестов и системных долгосрочных вызовов стабильности, в том числе на евразийском пространстве.

Одновременно с 2010 г. в рамках Евразийского экономического сообщества начал действовать Таможенный союз. С 2012 г. было создано Единое экономическое пространство Беларуси, Казахстана и России, впоследствии достигнута договоренность о запуске на его базе Евразийского экономического союза. Параллельно с интеграционными начинаниями на постсоветском пространстве происходило зарождение масштабного китайского проекта «Один пояс, один путь», сухопутная часть которого («Экономический пояс Шелкового пути») предполагала совершенствование транспортной инфраструктуры Евразии, углубление политической координации между государствами-

участниками, наращивание гуманитарного взаимодействия. С запуском китайской инициативы, анонсированной Председателем КНР Си Цзиньпином в Казахстане в 2013 г., Китай стал крупнейшим источником внешнего финансирования в Центральной Азии.

Однако к началу 2020 г. COVID-19 внес существенный диссонанс в существующие торгово-экономические связи, погрузив экономики ряда стран в рецессию и перенаправив внутренние ресурсы на борьбу с пандемией. Можно говорить о зарождении новой геостратегической эпохи, когда биобезопасность и безопасность в области здравоохранения занимают все более важное место в национальных и международных целях, политике и действиях.

Очевидно, что распространение коронавируса оказывает прямое влияние на состояние мира и стабильности в Большой Евразии. Она требует солидарной реакции всех партнеров на новые вызовы и угрозы с целью выработки коллективных подходов к дальнейшему сотрудничеству во всех без исключения сферах. Пандемия изменила методы и механизмы коммуникации. На уровне бизнеса нарастает жесткая конкуренция за рынки сбыта для вакцин, не прекращается политизация данной темы. Из-за необходимости социального дистанцирования и перехода в онлайн-среду фактически пропал доверительный личный диалог.

Отчеты и прогнозы группы Всемирного банка по борьбе с COVID-19 свидетельствуют о явном преобладании риска негативного и слабо предсказуемого развития ситуации. В случае отсутствия эффективности от вакцинации и применяемых методов лечения дальнейшее распространение инфекции по странам и волнообразно возобновляемые ограничительные меры лягут еще более тяжелым бременем как на бизнес и инвестиции, так и на потребителей [2].

Антиковидные меры уже привели к масштабному воздействию на мировую экономику, погрузив ее в рецессию. Согласно данным за 2020 год мировой ВВП сократился примерно на 4,3% (в Европе и Центральной Азии – на 2,9%, на Ближнем Востоке и в Северной Африке – на 5%) [3].

Неопределенная международная ситуация и сопутствующий ей экономический кризис как никогда ранее создают нагрузку на национальные ресурсы. Уменьшение показателей межрегиональной торговли приводит к распылению государственных бюджетов, необходимых для спасения жизней, больниц, врачей, для мотивации к карантину и т.д.

В условиях мирового экономического спада государствам выгодна межрегиональная экономическая кооперация и взаимодействие посредством выстраивания транснациональных логистических коридоров, в том числе на пространстве ЕАЭС и ШОС.

Как отмечает авторитетное китайское издание Global Times, если «изначально причиной создания ШОС выступала борьба с терроризмом и необходимость борьбы с экстремизмом, то сегодня ее функции и масштабы постепенно расширялись в соответствии с реальными потребностями региона» [4]. ШОС все больше рассматривается как площадка для взаимной поддержки и реагирования на возникающие угрозы, создания упорядоченных и безопасных региональных условий. В целом имеет место наращивание стратегической глубины участия государств в процессах регионального взаимодействия. В принятой по

итогах саммита ШОС – 2019 Бишкекской декларации впервые появилось упоминание о Евразии: «Государства-члены считают важным использовать потенциалы стран региона, международных организаций и многосторонних объединений в интересах формирования в Евразии пространства широкого, открытого, взаимовыгодного и равноправного сотрудничества в целях обеспечения надежной безопасности и устойчивого развития» [5].

Об этом также свидетельствует тематика и содержание выступлений XV Форума ШОС в 2020 г. Участники экспертной встречи сошлись во мнении, что, помимо сохранения традиционных направлений работы (безопасность, борьба с преступностью, гуманитарная сфера), последствия пандемии коронавируса требуют совершенствования деятельности организации. В числе намеченных контуров будущего движения были названы региональное взаимодействие (ЕАЭС, проект Большого евразийского партнерства, инициатива «Один пояс, один путь»), развитие партнерских отношений по линии ЕАЭС с государствами-наблюдателями и партнерами по диалогу, устранение проблемы «нехватки коллективной идентичности» в ШОС.

Беларусь также стремится развивать многостороннее взаимодействие на евразийском пространстве. В 2020 г. в рамках заседаний Совета глав государств и Совета глав правительств ШОС белорусская сторона предложила ряд инициатив: продолжить укреплять продовольственную и информационную безопасность, создать в рамках организации механизм консультаций по вопросам атомной энергетики, разработать собственный финансовый механизм, расширить гуманитарное сотрудничество [6].

Казахстанский политолог Б. К. Султанов отмечает, что ЕАЭС и мегапроект «Один пояс, один путь» представляют особый интерес для укрепления транспортно-логистического сотрудничества в рамках ШОС. Они способны предоставить как доступ к морским перевозкам и рынкам Азиатско-Тихоокеанского региона, так и обеспечить движение товаропотоков в обратном направлении – выход к международным сухопутным торговым путям на европейском векторе [7]. В частности, создать коммуникацию между Европой и Азией и раскрыть потенциал сбалансированного многостороннего экономического взаимодействия на пространстве Евразии способны автомобильный коридор «Западная Европа – Западный Китай», международный транспортный коридор «Север – Юг», железнодорожные грузовые перевозки, воздушные коридоры. В этом отношении государства ЕАЭС и страны ШОС взаимно дополняют друг друга: первые способствуют поддержанию бесперебойного функционирования торгово-транспортных маршрутов, а вторые обеспечивают региональную безопасность. При этом следует иметь в виду, что все государства, входящие в ЕАЭС, связаны как с ШОС (члены, партнеры по диалогу либо наблюдатели), так и со странами-членами данных региональных и международных организаций.

Происходящие в Евразии в настоящее время изменения несут в себе вызовы для национальной и региональной безопасности. Существенно меняются запросы общества, которое становится более мобильным и открытым для инноваций, погруженным в глобальные информационно-коммуникационные про-

цессы. Одной из проблем выступает уязвимость властей для сетевых атак и интернет-кампаний.

Следует ожидать, что постепенно международная повестка будет смещаться в сторону процессов, связанных с обеспечением здравоохранения и развития цифровых технологий, что одновременно открывает пространство возможностей для гуманитарных игр и манипуляций в условиях кризиса.

Уже сегодня соперничество за вакцины, временами перерастающее в неприкрытую борьбу, может иметь серьезные последствия для региональной кооперации и сотрудничества. Существуют примеры того, как на предоставление гуманитарной помощи оказывают влияние внешнеполитические интересы конкретных стран. Стоит учитывать, что избирательная помощь в борьбе с коронавирусом способна подогреть нерешенные конфликты, стать катализатором для раскола регионов.

Снижение накала напряженности, прежде всего на региональном уровне, а также выстраивание в евразийском регионе доверительных межгосударственных отношений на основе реализации инфраструктурных проектов, трансформации экономических систем и развития каналов гуманитарной помощи следует рассматривать как возможность в положительном ключе изменить баланс интересов между государствами и общую ситуацию с безопасностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Генеральный секретарь ШОС: Принципы «шанхайского духа» создают прочную основу для солидарности и взаимной поддержки [Электронный ресурс] // Женьминь Жибао. 2020. URL : <http://russian.people.com.cn/n3/2020/1221/c95181-9801098.html> (дата обращения : 21.03.2021).
2. COVID-19 грозит ввергнуть мировую экономику в тяжелейшую рецессию со времен Второй мировой войны [Электронный ресурс] // Всемирный банк. 2020. URL : <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2020/06/08/covid-19-to-plunge-global-economy-into-worst-recession-since-world-war-ii> (дата обращения : 21.03.2021).
3. Перспективы мировой экономики [Электронный ресурс] // Всемирный банк. 2020. URL : <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/global-economic-prospects> (дата обращения : 21.03.2021).
4. China-Russia cooperation has no upper limits: Global Times editorial [Electronic resource] // Global Times. 2021. URL : <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1219115.shtml> (date of access: 21.03.2021).
5. Бишкекская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества. 2019. URL : <http://rus.sectsc.org/load/550949/> (дата обращения : 21.03.2021).
6. Обзор итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2020 году [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. 2021. URL: <https://mfa.gov.by/publication/reports/d6f0d673cfefb1664.html> (дата обращения : 21.03.2021).
7. Три приоритета для Казахстана в ШОС – эксперт [Электронный ресурс] // 365info.kz. 2021. URL : <https://365info.kz/2021/03/tri-prioriteta-dlya-kazahstana-v-shos-ekspert> (дата обращения : 21.03.2021).

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА КИТАЙСКУЮ ИНИЦИАТИВУ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

А. Л. Жовнерик

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, nastya.zhovnerik@gmail.com

С. Ф. Свилас

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, svilas@tut.by

Цель статьи – анализ и комплексная характеристика противоречивого влияния пандемии COVID-19 на реализацию инициативы КНР «Один пояс, один путь» посредством системного подхода, институционального и структурно-функционального методов. Рассмотрены причины, цели, задачи, структурные элементы, средства реализации проекта ОПОП. Выявлено негативное влияние пандемии как на темпы роста мировой экономики и торговли, так на реализацию проектов ОПОП в отдельных странах (Индонезия, Египет, Бангладеш, Пакистан, Нигерия, Таиланд, Шри-Ланка). В связи с высоким уровнем зависимости проектов от Китая подчеркнута необходимость применения диверсифицированного подхода при их реализации, с упором на местную экономику.

На фоне общего спада экономической активности констатируются и положительные тенденции: рост китайских инвестиций и товарооборота, присоединение Пекина к Инициативе приостановки обслуживания долга, укрепление сотрудничества в области здравоохранения и научных разработок, выявление недостатков инфраструктуры в сфере здравоохранения и телекоммуникаций, предложение новых инициатив, в частности, проекта «Шелковый путь здоровья», цель которого – формирование глобальной системы управления здравоохранением и его устойчивой инфраструктуры, причем с Китаем в качестве одного из топ-менеджеров. Опыт борьбы КНР с пандемией в контексте многосторонней дипломатии, в частности, инициативы ОПОП, нашедший отражение в Белой книге Государственного совета «Борьба с COVID-19: действия Китая» (2020 г.), представляет большой исследовательский и практический интерес, в том числе и для Республики Беларусь.

Ключевые слова: глобализация; Китай; многосторонняя дипломатия; инициатива «Один пояс, один путь»; пандемия COVID-19; международное сотрудничество; медицинская дипломатия; «Цифровой Шелковый путь»; «Шелковый путь здоровья».

THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON THE CHINESE INITIATIVE «ONE BELT, ONE ROAD»

A. L. Zhovnerik

Belarusian State University

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, nastya.zhovnerik@gmail.com

S. F. Sviles

Belarusian State University

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, svilas@tut.by

The purpose of the article is to analyze and comprehensively characterize the controversial impact of the COVID-19 pandemic on the implementation of the Chinese «One Belt, One Road» initiative through a systematic approach, institutional and structural-functional methods. The reasons, goals, objectives, structural elements, and means of implementing the OBOR project are considered. The negative impact of the pandemic on the growth rates of the world economy and trade, as well as on the implementation of OBOR projects in individual countries (Indonesia, Egypt, Bangladesh, Pakistan, Nigeria, Thailand, Sri Lanka) was revealed. Due to the high level of dependence of projects on China, the need for a diversified approach to their implementation, with a focus on the local economy, was emphasized.

Against the background of the general decline in economic activity, positive trends are also noted: the growth of Chinese investment and trade turnover, Beijing's joining the Debt Service Suspension Initiative, strengthening cooperation in the field of health and scientific research, identifying shortcomings in the infrastructure in the field of health and telecommunications, and proposing new initiatives, in particular, the Health Silk Road project, which aims to form a global health management system and its sustainable infrastructure, and with China as one of the top managers. The experience of the Chinese fight against the pandemic in the context of multilateral diplomacy, in particular, the OBOR initiative, which is reflected in the White Paper of the State Council «Fighting COVID-19: China's Actions» (2020), is of great research and practical interest, especially for the Republic of Belarus.

Key words: *globalization; China; multilateral diplomacy; «One Belt, One Road» initiative; COVID-19 pandemic; international cooperation; medical diplomacy; «Digital Silk Road»; «Health Silk Road».*

Инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) – это многомиллиардный проект Китая, целью которого является создание инфраструктурной сети, способствующей развитию позитивных тенденций в процессах глобализации и интеграции. Впервые идея этого проекта была озвучена председателем КНР Си Цзиньпином в Нур-Султане в 2013 г. Результатом реализации ОПОП должно стать создание евразийской экономической зоны, которая свяжет государства Востока и Запада через регион Центральной Азии и в дальнейшем будет использоваться для поставки товаров в Европу. В рамках инициативы развиваются проекты «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века», задача которых состоит в углублении региональной экономи-

ческой интеграции, упразднении барьеров в области инвестиций и торговли, а также создании единой транспортной инфраструктуры. Инициатива ОПОП направлена также на повышение значимости национальных валют и укрепление сотрудничества в гуманитарной сфере.

COVID-19 оказал значительное влияние на экономику государств-членов инициативы «Один пояс, один путь», обусловил тенденцию к снижению их экономического роста. Наличие ограничительных мер серьезно усложняет процесс перемещения людей и товаров, что негативно сказывается на развитии торговых отношений, а также реализации проектов инициативы. Так, Индонезия отложила на неопределенный срок работы на высокоскоростной железной дороге Джакарта-Бандунг стоимостью 6 млрд долл., направив средства на борьбу с последствиями вспышки COVID-19. Египет, в свою очередь, приостановил финансируемое Китаем строительство второй по величине угольной электростанции в Хамравейне. Бангладеш в марте 2020 года отменил планы по производству угля в Газарии, а Пакистан попросил КНР облегчить условия погашения энергетических проектов на сумму 30 млрд долл. В мае 2020 г. нигерийские законодатели проголосовали за пересмотр всех кредитов КНР для её проектов на фоне опасений, что финансирование может быть невыгодным для африканской стороны. Таиланд и Шри Ланка также заявляли о задержках в реализации проектов ОПОП [1].

Подобная ситуация демонстрирует высокий уровень зависимости проектов инициативы «Один пояс, один путь» от Китая. Большая их часть финансируется китайскими банками и выполняется строительными компаниями КНР. Кроме того, в реализации проектов часто задействована непосредственно китайская рабочая сила. Отсюда следует, что если экономика Поднебесной сталкивается с трудностями, то прогресс ОПОП так же замедляется. Более диверсифицированный подход с упором на местную экономику значительно упростил бы процесс замены сырья, строительных деталей и рабочих.

Однако, несмотря на спад экономической активности, наблюдаемый в КНР в связи со вспышкой коронавируса, в первом квартале 2020 г. китайские инвестиции в 52 государства-участника ОПОП составили 4,2 млрд долл., то есть выросли на 11,7%, а товарооборот увеличился на 3,2% [2]. Отметим, что Китай присоединился к Инициативе приостановки обслуживания долга, расширив ее до 77 своих должников-членов ОПОП и предоставив им отсрочку по обслуживанию долговых обязательств. Об этом говорится в Белой книге «Борьба с COVID-19: действия Китая», опубликованной в июне 2020 г. Госсоветом КНР [3]. В то же время борьба с COVID-19 дала новый импульс для развития инициативы: страны-участницы развивают сотрудничество в области здравоохранения и научных разработок, а также обмениваются опытом относительно борьбы с вирусом.

По оценке представителя консалтинговой корпорации EY Global Джейн Яна, пандемия коронавируса выявила недостатки инфраструктуры в сфере здравоохранения и телекоммуникаций. Ответом на них в рамках ОПОП стали проекты «Цифрового Шелкового пути» и «Шелкового пути здоровья», которым отводится весомая роль в глобальном и региональном «посткоронавирусном

восстановлении» [4]. «Шелковый путь здоровья» призван помочь распределить медицинскую поддержку и продовольственные запасы. Актуальность проекта обусловлена в основном тем, что во время первой волны коронавируса наблюдалась тенденция к усилению национального протекционизма в данной сфере. Так, к середине апреля 2020 г. более 80 государств запретили экспорт медицинских изделий и средств индивидуальной защиты, необходимых для борьбы с распространением COVID-19 [5]. КНР и страны ОПОП с начала пандемии предоставляли друг другу помощь в виде тестов на коронавирус, лекарственных препаратов, противоэпидемической экипировки, а также медицинской техники. Кроме средств защиты, Китай направлял своих специалистов в такие страны, как Россия, Италия, Сербия, Камбоджа, Иран, Пакистан, Лаос и Ирак. Благодаря КНР на регулярной основе проходили видеоконференции для обмена опытом борьбы с новой инфекцией, где обсуждались профилактика, диагностика и лечение заболевания. К борьбе с пандемией присоединились крупные китайские компании. Так, Huawei и China Communications Construction Company, которые участвуют в проектах ОПОП за рубежом, предоставляли различные медицинские принадлежности, фонды Джека Ма и Alibaba доставляли посылки гуманитарной помощи в десятки стран. Главной задачей «Шелкового пути здоровья» Пекин называет формирование глобальной системы управления здравоохранением и его устойчивой инфраструктуры. Эта новая идея демонстрирует желание КНР позиционировать себя в качестве глобального лидера в сфере здравоохранения, подкрепленное конкретными значимыми действиями [6].

Пандемия дала возможность проанализировать и учесть ошибки предыдущих этапов реализации инициативы «Один пояс, один путь». Китай в очередной раз продемонстрировал гибкость своей политики, продвигая идею о том, что инициатива должна быть «открытой, зеленой и чистой» [1]. COVID-19 внес существенные коррективы не только в стратегию Китая, но и в политику других государств в отношении ОПОП. На повестке дня стоит задача преодоления политической конфронтации в глобальном и региональном масштабе, отказа от протекционизма, националистических и популистских идей. Совместные усилия государств в различных сферах общественной жизни и дипломатия, особенно медицинская, должны сыграть решающую роль в деле борьбы с пандемией и в восстановлении мировой экономики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. The pandemic is hurting China's Belt and Road Initiative // The Economist [Electronic resource]. 2020. URL : <https://www.economist.com/china/2020/06/04/the-pandemic-is-hurting-chinas-belt-and-road-initiative> (date of access : 25.03.2021).
2. Гао Ц. Страны-партнеры вместе строят «Шелковый путь здоровья» // Российская газета [Электронный ресурс]. 2020. URL : <https://rg.ru/2020/05/25/odin-poyas-odin-put-stimuliruet-razvitiye-mirovoj-ekonomiki.html> (дата обращения : 25.03.2021).
3. China has suspended debt collection from developing countries // Katenon [Electronic resource]. URL : <https://katenon.com/en/news/china-has-suspended-debt-collection-developing-countries> (date of access : 25.03.2021).
4. «Пояс и путь» выработал иммунитет к COVID-19 // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL : <https://ria.ru/20200908/pandemiya-1576926018.html> (дата обращения : 25.03.2021).

5. Aylor B. Redrawing the Map of Global Trade // Boston Consulting Group [Electronic resource]. URL : <https://www.bcg.com/publications/2020/redrawing-the-map-of-global-trade> (date of access : 25.03.2021).
6. Lancaster K. Mapping China's Health Silk Road // Boston Consulting Group [Electronic resource]. URL : <https://www.bcg.com/publications/2020/redrawing-the-map-of-global-trade> (date of access : 25.03.2021).

АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ПЕРСПЕКТИВ СОПРЯЖЕНИЯ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПАРТНЕРСТВ

А. В. Иванцов

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская 17, 220089, г. Минск, Беларусь, anatoly.boyashov@uni-bielefeld.de*

В данной статье рассматриваются возможности и дальнейшие перспективы сопряжения двух глобальных проектов – Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Автор анализирует опыт крупнейших многосторонних форматов взаимодействия в Евразии, таких как китайская инициатива «Один пояс – один путь», Евразийский экономический союз и др. В реализацию этих проектов вовлечены многие государства, перед которыми стоят острые проблемы выбора союзников, экономических партнеров, в сочетании своих государственных и национальных интересов в масштабах Большого евразийского партнерства.

Автор делает вывод о том, что в нынешнем состоянии экономической сферы к Большой Евразии наблюдается высокий интерес, вызванный рядом развивающихся интеграционных проектов и механизмов экономического сотрудничества. Усиление ЕАЭС как институционального центра Большой Евразии может стать базисом для формирования сбалансированного нормативного пространства в китайской инициативе «Один пояс – один путь». Однако совокупный экономический потенциал государств – участников ЕАЭС не позволяет Союзу быть крупнейшим экономическим полюсом и ведущим центром развития многосторонних институтов в Большой Евразии.

Предполагается, что решением в этой ситуации могло бы стать развитие Всеобъемлющего евразийского партнерства в сторону сопряжения ЕАЭС и инициативы «Один пояс – один путь», а также формулирования предложений по выстраиванию системы отношений между крупнейшими игроками Евразии, в которую все заинтересованные государства будут вовлечены на взаимовыгодных условиях.

Реализация инициативы сопряжения ЕАЭС и ЭПШП в тесной связке с формированием институционально-правовой рамки взаимодействия в виде Соглашения ЕАЭС–КНР с широкой регуляторной повесткой позволит обеспечить для государств-участников данного проекта гарантии надежности сотрудничества, более понятную бизнес-среду и новые возможности во внешнеэкономической сфере.

Ключевые слова: *Большое евразийское партнерство; ВРЭП; ЕАЭС; Евразия; интеграция; «Один пояс – один путь»; Союз; ЭПШП; ШОС; Китай.*

ANALYSIS OF THE POSSIBILITIES AND PROSPECTS OF CONJUGATION OF THE MAIN DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION AND THE SILK ROAD ECONOMIC BELT IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF NEW GLOBAL ECONOMIC PARTNERSHIPS

A. V. Ivantsov

*Academy of Public Administration under the aegis
of the President of the Republic of Belarus*

17 Moskovskaya Street, 220089, Minsk, Republic of Belarus, anatoly.boyashov@uni-bielefeld.de

This article discusses the possibilities and further prospects for the pairing of two global projects – the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt. The author analyzes the experience of the largest multilateral formats in Eurasia, such as the Chinese initiative “One Belt – One Road”, the Eurasian Economic Union, etc. Many states are involved in the implementation of these projects, and national interests on the scale of the Greater Eurasian Partnership.

The author concludes that in the current state of the economic sphere of Greater Eurasia, there is a high interest caused by a number of developing integration projects and mechanisms of economic cooperation. Strengthening the EAEU as an institutional center of Greater Eurasia can become the basis for the formation of a balanced regulatory mega space in the Chinese initiative “One Belt – One Road”. However, the aggregate economic potential of the EAEU member states does not allow the Union to be the largest economic pole and a leading center for the development of multilateral institutions in Greater Eurasia.

It is assumed that the solution in this situation could be the development of the Comprehensive Eurasian Partnership towards the conjugation of the EAEU and the Belt and Road Initiative, as well as the formulation of point proposals for building a system of mutually beneficial relations between the largest players of Eurasia, in which all interested states will be involved on mutually beneficial terms to strengthen international cooperation.

The implementation of the initiative for conjugating the EAEU and the SREB in close connection with the formation of an institutional and legal framework for interaction in the form of the EAEU-PRC Agreement with a broad regulatory agenda will provide guarantees of reliable cooperation for the participating states of this project, a more understandable business environment and new opportunities in the foreign economic sphere.

Key words: *Great Eurasian partnership; RCEP; EEU; Eurasia; integration; “one belt, one road”; Union; EBSR; SCO; China.*

В последние годы евразийское пространство стало одним из мировых центров интенсивного развития процессов экономической интеграции. Создание сначала Таможенного союза и Единого экономического пространства России, Казахстана и Беларуси, а затем Евразийского экономического союза с при-

соединением к нему Армении и Кыргызстана привело к появлению в Евразии общей таможенной зоны с населением более 180 млн. человек, целью которой является создание единого рынка товаров, услуг, рабочей силы и капитала, а также обеспечение стабильного экономического развития и интеграции в мировую экономику. В 2016 г. начала действовать зона свободной торговли ЕАЭС-Вьетнам, а интерес к созданию ЗСТ с ЕАЭС проявляют уже более 40 стран.

Среди сложившихся на сегодняшний день основных геополитических детерминант, определяющих развитие мировых процессов в XXI в., ключевое место принадлежит глобализации, которая продолжает оказывать мощное влияние на геополитическую картину мира. В результате ее воздействия все более унифицируются политические, социальные, экономические и культурные отношения. В этих условиях сложились глобальные субъекты мировой политики и мировой экономики, оформились геополитические центры современного мира, наметились и специфические стратегии их действий [1].

На сегодняшний день наиболее крупным потенциальным партнером ЕАЭС является Китайская Народная Республика – первая экономика мира по ВВП по паритету покупательной способности. Ускоренное экономическое развитие Китая в последние десятилетия позволило ему накопить потенциал для многократного увеличения своего влияния в Евразии и инициировать ряд амбициозных политико-экономических проектов, рассчитанных на долгосрочную перспективу. Важнейшими из них являются концепции Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Морского шелкового пути XXI века (МШП), выдвинутые председателем КНР Си Цзиньпином осенью 2013 г. в двух программных выступлениях в ходе визитов в Казахстан и Индонезию и впоследствии объединенные под названием «Один пояс – один путь».

Другим фактором, обусловившим появление концепции ЭПШП, является смена внешнеэкономической парадигмы Китая и его переход от страны, привлекающей прямые иностранные инвестиции, к стране-донору. Это связано с переходом Китая на новый уровень индустриального развития, когда в результате подорожания рабочей силы и увеличения доли сектора услуг, в экономике начинает происходить процесс переноса части промышленного производства за рубеж. Поэтому промышленная кооперация является важной частью ЭПШП. В переговорах стран ЕАЭС с Китаем по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП необходимо учитывать интересы промышленного развития стран ЕАЭС, а также возможные экономические, политические, операционные и экологические риски, которые несет в себе процесс сопряжения с ЭПШП. Необходимо, чтобы промышленная кооперация стран ЕАЭС и Китая строилась на принципах равноправия и взаимовыгодности.

1 января 2015 г. вступил в силу Договор о создании Евразийского экономического союза, а уже 8 мая 2015 г. было подписано Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, давшее старт интенсивному сотрудничеству между странами-участницами ЕАЭС и Китаем. Российское руководство и эксперты высоко оценили этот шаг, отметив, что «сопряжение евразийского интеграци-

онного проекта и китайского проекта «Один пояс – один путь» не только ускоряет экономическое развитие их участников, но и наполняет оба проекта новым глобальным содержанием» [2]. Инициатива сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, с одной стороны, является масштабным вызовом для Союза и связана с серьезными рисками, а с другой – создает, в благоприятном сценарии, дополнительные возможности для развития евразийской интеграции и модернизации экономик государств-членов ЕАЭС.

Вызовы для ЕАЭС обусловлены рядом факторов. Во-первых, главные цели сопряжения ЭПШП с ЕАЭС, с китайских позиций заключаются в решении стратегических задач развития экономики КНР, включая задачи модернизации и поддержки экономического роста, особенно в западных и центральных регионах страны, создания рынков сбыта для китайской продукции и условий для инвестирования в «полезные» для Китая международные проекты, обеспечения национальной экономической безопасности. С учетом возросшей вероятности «жесткой посадки» экономики Китая уже в среднесрочной перспективе (т.е. снижения динамики ВВП до неприемлемого уровня для обслуживания госдолга и поддержания занятости), усугубляемой протекционистскими заявлениями экс-президента США Д. Трампом, значимость факторов ЭПШП и сопряжения как возможных новых источников экономического роста резко повышается. В этих условиях Китай будет очень жестко настаивать на своих правилах реализации проектов в рамках ЭПШП и сопряжения. Возникает риск потери контроля над проектами как в частных случаях, так и особенно если речь идет о суммарном влиянии китайских инициатив на экономики государств-членов ЕАЭС и евразийскую интеграцию в целом.

Проектно-ориентированный характер ЭПШП и сопряжения на практике может стимулировать центробежные тенденции. Собственные интересы участников Союза в отсутствие обязательств и механизмов координации действий разводят их по государствам, в результате чего приоритет получают двусторонние подходы к сотрудничеству с Китаем в ущерб изначальной интеграционной концепции сопряжения. Казахстан, являющийся главным пунктом входа для Китая на территорию ЕАЭС, и Кыргызстан работают в субподрядной логике по международным инвестиционным, инфраструктурным проектам КНР и уже имеют высокую фактическую степень сопряжения национальных стратегий и программ развития с планами КНР. Интересы России в ЭПШП и сопряжении пока учитываются далеко не в полной степени: так, Китай не рассматривает в качестве приоритетного проходящий по территории РФ Северный Евразийский транспортный коридор и одновременно активно поддерживает реализацию Центрального Евразийского и Трансазиатского коридоров. Беларусь видит в ЭПШП и сопряжении, прежде всего, возможность получения средств от КНР для модернизации производственных мощностей и инфраструктуры, но объем китайских инвестиций пока очень невелик. Намечились определенные перспективы двустороннего сотрудничества в сфере высоких технологий. Для Армении первостепенное значение имеет преодоление транспортной блокады и расширение национального экспорта в результате сопряжения, в том числе с

использованием формируемой новой транспортно-логистической инфраструктуры.

По результатам анкетирования национальных экспертов стран ЕАЭС по рискам для ЕАЭС в связи с реализацией инициатив ЭПШП и сопряжения, проведенного в рамках НИР, наиболее высокие показатели интегрального уровня риска имеют риски усиления конкуренции со стороны китайских компаний и продукции на рынках ЕАЭС, риски доминирования китайских интересов в проектах ЭПШП и сопряжения в условиях непрозрачной и негармонизированной институционально-правовой среды, риски усиления конкуренции стран ЕАЭС за китайские инвестиции при явном примате национальных интересов над интеграционными. То есть при реализации указанных рисков инициативы ЭПШП и сопряжения будут дестимулировать экономический рост стран ЕАЭС и порождать центробежные тенденции.

Процесс сопряжения ЕАЭС и ОПОП уже в значительной степени способствовал активизации торгово-экономического сотрудничества стран евразийской «пятерки» с КНР. В 2018 г. удельный вес Китая во внешней торговле Союза составил 16,8% (для сравнения: 16,2% – в 2017 г.) [3]. Важно отметить, что процесс сопряжения привел все шесть стран к совместному поиску новых сфер и форматов межгосударственного взаимодействия, размышлению о формировании общего пространства торговли, транспорта, коммуникаций, стандартов и подходов. Так, в настоящее время в Китае и России ведется подготовка и реализация порядка 70 инвестиционных проектов на общую сумму 120 млрд. долл., 11 из которых уже введены в действие, а еще 15 активно реализуются – например, строительство завода по производству автомобилей «Великая Китайская стена» в Тульской области. Взаимодействие с Казахстаном стало примером работы в сфере производственных мощностей. В Беларуси динамично развивается индустриальный парк «Великий камень». Новый облик обретает и сопряжение инициативы «Один пояс – один путь» со стратегиями развития Кыргызстана. Последние инициативы Китая действительно открывают новые направления сопряжения ЕАЭС и «Одного пояса – одного пути»: предлагается активнее сотрудничать по международным вопросам, а также активизировать взаимодействие в сфере энергетики и инновационных технологий. Но, несмотря на позитивную риторику, объективные предпосылки и конкретные предложения, все еще остается немало вопросов относительно перспектив данных процессов.

Стоит отметить, что ЕАЭС является экономическим объединением, в компетенцию которого не входит развитие диалога с ШОС по более широкому кругу вопросов от лица Союза. Это изначально создает серьезные препятствия для форсирования сотрудничества не только в рамках сопряжения ЕАЭС и ОПОП, но и внутри самого Союза. Нужно признать, что в современном мире экономики отдельно от политики, социальной и культурной сфер, как таковой, не существует, поэтому подобное позиционирование по определению ставит перед участниками инициативы по сопряжению определенные барьеры, которые по-прежнему придется решать на национальном уровне.

Кроме того, существуют серьезные противоречия в основополагающих идеях ЕАЭС и ОПОП. Китайский проект ориентирован на широкие зоны свободной торговли, тогда как Союз предусматривает защиту внутренних рынков от внешних игроков и бестарифную зону только для его участников. Углубляясь в вопрос современного положения дел в ЕАЭС как международного актора, становится очевидна лидирующая роль России в качестве локомотива его развития. Это также отражено в ходе эволюции отношений по линии ЕАЭС – ОПОП. Первым документом, положившим начало процессу сопряжения, стало Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. Другими словами, именно Россия выступила от лица Союза с данной инициативой. Подобное положение дел устраивает китайскую сторону, которая эффективно ведет двусторонние переговоры с Россией по согласованию тех или иных проектов [4]. Как справедливо отмечается в одном аналитическом обзоре, ЕАЭС воспринимается в политической элите Китая скорее не как единый организм, состоящий из равных по праву голоса акторов, а как проект, развиваемый в первую очередь по инициативе России. Именно в этом причина, по которой поступило предложение развивать диалог именно с Москвой по международным вопросам, а также уточнять аспекты развития сопряжения ЕАЭС и инициативы «Пояса и Пути». В настоящее время Китай воспринимает ЕАЭС как российский вариант инициативы «Пояса и Пути». С другой стороны, КНР обращает внимание на возможности более быстрого роста инициативы «Пояса и Пути» благодаря развитию диалога с ЕАЭС. Евразийская интеграция представляется как новая возможность для развития «Пояса и Пути». Оно и понятно, поскольку Китай готов активно инвестировать в страны-члены ЕАЭС в целом и в Россию в частности для достижения определенных политических и экономических целей [5]. Таким образом, ускорение сопряжения ЕАЭС и инициативы «Пояса и Пути» в большей степени означает желание ускорить развитие взаимодействия России и Китая. Важно, что КНР видит Россию и другие страны ЕАЭС как государства, входящие в инициативу «Пояса и Пути», и только потом как участников других объединений. Стремление развивать более тесный диалог по международным вопросам между Россией и КНР представляет собой маркер представлений Китая об особом положении России в рамках ЕАЭС.

Делая вывод, можно уверенно сказать, что для стран ЕАЭС и Союза в целом ведение переговоров с Китаем с дальнейшей перспективой выхода на ЗСТ может преобразоваться в консолидирующий фактор, инструмент сближения позиций. В данном случае наднациональная интеграционная составляющая взаимодействия с КНР, опирающаяся на полномочия Союза в торговой политике, таможенном и техническом регулировании, регулировании конкуренции, применении СФС-мер и др., будет намного выше, чем в проектно-ориентированном сопряжении. Более того, формирование институционально-правовой системы сопряжения в виде соглашения ЕАЭС–КНР позволит создать сопряжение с двусторонним движением: не только потоки из Китая в ЕАЭС и далее в Европу, но и более диверсифицированные поставки продукции из

ЕАЭС в КНР при благоприятной логистике и условий доступа на китайский рынок. Институционально-правовая система сопряжения также будет содействовать более активному формированию и функционированию региональных цепочек добавленной стоимости. Реализация инициативы сопряжения ЕАЭС и ЭПШП в тесной связке с формированием институционально-правовой рамки взаимодействия в виде Соглашения ЕАЭС–КНР с широкой регуляторной повесткой позволит обеспечить для государств-участников данного проекта гарантии надежности сотрудничества, более понятную бизнес-среду и новые возможности во внешнеэкономической сфере.

Однако до сих пор остаются нерешенными некоторые проблемы в ЕАЭС, что не позволяет Союзу принимать решения «одним голосом». На повестке дня вопрос остается открытым для взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с внешними партнерами и выстраивания новых форматов взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кефели И. Ф. Геополитика Евразийского союза: от идеи к глобальному проекту. СПб. : ООО «Геополитика и безопасность», 2013. 208 с.; Глобальная геополитика. Колл. Монография / Под редакцией И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина, И. Ф. Кефели. М. : Издательство Московского университета, 2017. 280 с.; Кефели И. Ф., Шевченко Н. Н. Большая Евразия: цивилизационное пространство, объединительная идеология, проектирование будущего. СПб. : ИД «Петрополис», ООО «Геополитика и безопасность». 2018. 220 с.
2. Сопряжение ЕАЭС и «Одного пояса – одного пути» окажет влияние на формирующуюся новую архитектуру мировой экономики. Евразийская экономическая комиссия. 17.09.2018 [Электронный ресурс]. URL : <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-09-2018-04.aspx>. (дата обращения : 01.03.2021).
3. Об итогах внешней торговли товарами Евразийского экономического союза. Аналитический обзор. 26.02.2019 [Электронный ресурс]. URL : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2018/Analytics_E_201812.pdf (дата обращения : 01.03.2021).
4. Шамахов В. А., Случевский В. В. Некоторые аспекты сопряжения проектов ЕАЭС – «Один пояс – один путь». ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика. 2019 (1) : 28–33.
5. Нежданов В. Сопряжение ЕАЭС и Шелкового пути: Китай меняет стратегию [Электронный ресурс]. URL : <https://zen.yandex.ru/media/eurazia/sopriajenie-eaes-i-shelkovogo-puti-kitai-meniaet-strategiiu-5c0780bd73372000a9a3b7d7> (дата обращения : 01.03.2021).

ПОТРЕБНОСТИ И ИНСТРУМЕНТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СТРАНАХ ЕАЭС

А. И. Поболь

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, anna.pobol@gmail.com*

В статье рассмотрены актуальные задачи политики по поддержке цифровизации и цифровой трансформации отраслей промышленности, поставленные в ЕАЭС, и возможность использования при их решении передовых практик ЕС. Малые и средние предприятия являются конкретной целевой группой этой политики, потому что им, как правило, не хватает финансовых и человеческих ресурсов для комплексного подхода к цифровой трансформации. В частности, рассмотрены такие системные проблемы цифровой трансформации промышленности в странах ЕАЭС, как нехватка профессиональных компетенций руководителей, специалистов и рабочих по различным аспектам цифровой трансформации; устаревшая система организации управления промышленными предприятиями; устарелость организационных форм в промышленности стран ЕАЭС; нехватка гармонизации стандартов как на уровне стран ЕАЭС, так и с ЕС, препятствующая обеспечению интероперабельности и совместимости решений; разрозненность и несогласованность унаследованных предприятиями информационных систем; нехватка технологий в доступном ценовом сегменте для обеспечения цифровой трансформации на внутреннем рынке и нехватка финансовых ресурсов для организации процесса цифровой трансформации.

Ключевые слова: *цифровая трансформация; промышленность; ЕАЭС; ЕС; управление промышленными предприятиями.*

THE NEEDS AND THE TOOLS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF MANUFACTURING INDUSTRIES IN THE EAEU COUNTRIES

A. I. Pobol

*Belarusian State University,
Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, anna.pobol@gmail.com*

The article discusses the current policy objectives to support digitalization and digital transformation of industries that are set in the EAEU, and the possibility of using the best practices of the EU when addressing them. Small and medium-sized enterprises are a specific target group of this policy, because they usually lack the financial and human resources for an integrated approach to digital transformation. In particular, systemic problems of digital transformation of industry in the EAEU countries are considered, such as the lack of professional competencies of managers, specialists and workers in various aspects of digital transformation; outdated system of organization of management of industrial enterprises; outdated organizational forms

in the industry of the EAEU countries; lack of harmonization of standards both at the level of the EAEU countries and with the EU, which hinders the provision of interoperability and compatibility of solutions; fragmentation and inconsistency of information systems inherited by enterprises; lack of technologies in an affordable price segment to ensure digital transformation in the domestic market and a lack of financial resources to organize the digital transformation process. The paper draws from the author's contribution to the "Concept of creating conditions for the digital transformation of industrial cooperation of the member states of the Eurasian Economic Union and the digital transformation of industry of the member states of the Union" as well as to the regional program of the European Union (EU) "EU4Digital: Supporting the digital economy and society in the Eastern Partnership".

Keywords: *digital transformation; industry; EAEU; EU; industrial management.*

Целью политики в поддержку цифровизации отраслей промышленности является обеспечение того, чтобы предприятия всех отраслей и местоположения могли иметь возможность освоить цифровые технологии и цифровые инновации для повышения эффективности их деятельности и конкурентоспособности своих бизнес-моделей. Малые и средние предприятия являются конкретной целевой группой этой политики, потому что им, как правило, не хватает финансовых и человеческих ресурсов для комплексного подхода к цифровой трансформации; в то же время малые и средние предприятия более динамично внедряют инновации и выступают в качестве мультипликаторов инновационных эффектов в экономике. Поддержка цифровой трансформации промышленности в ЕАЭС является важным элементом цифровой повестки ЕАЭС с 2016 г. [1].

В обширном количестве публикаций выделяется совокупность проблем развития унаследованных со времен Советского союза предприятий промышленности в странах ЕАЭС: износ основных фондов при недостатке оборотных средств; недостаточная доступность финансовых ресурсов для модернизации предприятий; устаревшее оборудование и технологии, обуславливающие низкий уровень рентабельности продукции, ее ценовой конкурентоспособности, высокие издержки на производство и реализацию (высокая энергоемкость производства; нерациональное использование сырья и материалов; высокие транспортные издержки); высокая зависимость от импортных комплектующих; низкая интегрированность в международные цепи поставок и слабо развитые маркетинговые и сбытовые сети; неэффективные стимулы для управленцев государственных предприятий.

При экспертном содействии автора Министерством экономики Республики Беларусь в 2018 г. была разработана логическая матрица механизмов создания условий для цифровой трансформации промышленности в странах ЕАЭС, представленная в «Концепции создания условий для цифровой трансформации промышленного сотрудничества государств-членов Евразийского экономического Союза и цифровой трансформации промышленности государств-членов Союза» [2].

В продолжение работы по формированию комплекса мер, выявления и активизации взаимодействия заинтересованных сторон в Беларуси в поддержку цифровой трансформации обрабатывающей промышленности под руководством автора в 2020 г. был разработан соответствующий план мероприятий в рамках региональной программы Европейского союза (ЕС) «EU4Digital: Поддержка цифровой экономики и общества в Восточном партнерстве» (EU4Digital) [3], с опорой на анализ передовых практик из стран ЕС, а также ряд рекомендаций в смежных областях экосистемы цифровых инноваций.

Сопоставив обе работы, в настоящей статье рассмотрим *возможности реализации задач, поставленных в ЕАЭС, с опорой на доступные практики ЕС.*

Одной из первоочередных системных проблем цифровой трансформации промышленности в странах ЕАЭС является *нехватка профессиональных компетенций руководителей, специалистов и рабочих (технических исполнителей) по различным аспектам цифровой трансформации.* Повышение уровня профессиональной компетентности руководителей, специалистов и рабочих в этой области возможно посредством комплекса мероприятий:

- разработка программ развития компетенций для государственных служащих в сфере цифровизации промышленности;
- разработка и внедрение программы повышения квалификации для руководителей и специалистов организаций малого и среднего бизнеса и педагогов, осуществляющих повышение квалификации и переподготовку;
- обновление и/или разработка программы подготовки, переподготовки и дополнительного образования взрослых путем включения практических компонентов и применения международных стандартов цифровых компетенций;
- организация центров компетенций в сфере цифровой трансформации промышленности на базе научно-технологических парков и научных организаций.

Одна из задач, поставленная в ЕАЭС – создание специализированного Интернет-ресурса, аккумулирующего программы дистанционного обучения по различным аспектам ЦТ и информации о существующих образовательных центрах и центрах компетенций (платформы цифровых компетенций) – решается в ЕС через Европейскую платформу цифровых навыков и рабочих мест (European Digital Skills and Jobs Platform), работа над созданием которой начата в ноябре 2020 г. Другие примеры наработок в ЕС касательно содержания программ обучения собраны в рекомендациях программы EU4Digital [4].

Смежной системной проблемой является *устаревшая система организации управления промышленными предприятиями.* Реинжиниринг и оптимизация бизнес-процессов на промышленных предприятиях необходимы с целью их выживания на международном рынке. Решение этой проблемы опирается на оптимизацию процессов взаимодействия предприятий с госорганами через инструменты электронного правительства (B2G) и обеспечение доступа субъектам хозяйствования к современным цифровым инструментам обслуживания производственных, обеспечивающих и управленческих бизнес-процессов.

Еще одной проблемой является *несоответствие сложившихся организационных форм в промышленности стран ЕАЭС структуре организации современной инновационно-ориентированной экономики*. Содействие формированию кластеров, технологических альянсов, бизнес-партнерств между наукой и реальным сектором, холдингов, инновационных сетей и других современных форм организации экономической деятельности становится актуальной задачей, и здесь опыт ЕС также может быть весьма полезен [5].

Отдельной системной проблемой цифровой трансформации промышленности в странах ЕАЭС является *отсутствие стандартов и схем сертификации нового поколения и негармонизированность систем стандартизации как на уровне стран ЕАЭС, так и с ЕС, что препятствует обеспечению интероперабельности и совместимости решений на национальном и наднациональном уровне* [6]. Эта проблема непосредственно увязана со следующей – *разрозненность и несогласованность унаследованных предприятиями информационных систем (legacy systems) (проблема «лоскутной» информатизации)*. Обеспечение возможности обмена данными между различными информационными системами для обслуживания сквозных процессов внутри предприятий и в их взаимодействиях с другими предприятиями, госорганами и потребителями на внутреннем и внешнем рынках является сегодня обязательным условием достижения эффективности инвестиций в цифровизацию. Требуется обеспечение технологической модернизации предприятий с учетом требований интероперабельности информационных систем и современных логических моделей (как эталонная архитектурная модель Индустрии 4.0 RAMI 4.0). На уровне государственного управления содействовать этому можно путем формирования единой доверенной информационной среды для обмена производственными данными между субъектами-участниками цепочек добавленной стоимости. Наиболее актуальная практика ЕС в этом направлении – проект GAIA-X, нацеленный на создание федеративной инфраструктуры данных для всего ЕС, стартовавший в 2021 г.

Существенным пробелом является *нехватка технологий в доступном ценовом сегменте для обеспечения цифровой трансформации на внутреннем рынке* и неэффективная система их трансфера из сферы науки в сферу практического применения. Концепция ЕАЭС предусматривает решение этой проблемы через создание Евразийской сети трансфера технологий. Преодоление технологического отставания в сфере цифровой трансформации требует также интенсификации научно-технологического сотрудничества с экономически развитыми странами; интеграции в международные цепи поставок, в том числе через инструментарий электронной торговли и логистики; внедрения инструментов управления активами интеллектуальной собственности на зарубежных рынках.

В целом *нехватка финансовых ресурсов для организации процесса цифровой трансформации* выступает существенной тормозящей силой для промышленности ЕАЭС. Помимо исторически апробированных концентрации государственных финансовых ресурсов на приоритетных направлениях и диверсификации источников финансирования, важным считаем рассмотреть и менее освоенные инструменты, как таргетирование прямых иностранных инвестиций в

высокотехнологичные виды деятельности и применение современных инструментов финансирования: венчурное и проектное финансирование, краудфандинг, краудинвестинг, криптовалютное финансирование – также рассмотренные программой EU4Digital [7].

Безусловно, в ходе реализации этих мероприятий в ЕАЭС следует учитывать *различную отраслевую и технологическую структуру промышленного сектора государств-членов ЕАЭС, различное соотношение частного и государственного секторов промышленности, а также отечественного и иностранного капитала*. Евразийская сеть промышленной кооперации и субконтрактации может стать инструментом, который позволит обеспечить формирование цепочек ценности со взаимодополняющими звеньями внутри ЕАЭС, а сопряжение с предприятиями ЕС возможно через Европейскую сеть субконтрактации (European Subcontracting Network) и иные.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Анализ мирового опыта развития промышленности и подходов к цифровой трансформации промышленности государств-членов Евразийского экономического союза: информационно-аналитический отчет // Москва: ЕЭК, 2017. 116 с.
2. Рекомендация № 1 «О Концепции создания условий для цифровой трансформации промышленного сотрудничества государств-членов Евразийского экономического Союза и цифровой трансформации промышленности государств-членов Союза», утвержденная Советом Евразийской экономической комиссии 5 декабря 2018 г. [Электронный ресурс] // Совет ЕЭК. 20 с. URL : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/Rekom%20soveta%201%20cifra.pdf (дата обращения : 25.03.2021).
3. Digitising industry: digital transformation of SMEs in traditional sectors: policy recommendations' implementation action plan for Belarus [Electronic resource] // EU4Digital Facility; EC, 2020. 15 p. URL : <https://eufordigital.eu/wp-content/uploads/2020/07/Implementation-action-plan-for-Belarus-in-the-area-of-Digitising-industry-digital-transformation-of-SMEs-in-traditional-sectors.pdf> (date of access : 25.03.2021).
4. Digitising industry: digital transformation of SMEs in traditional sectors: policy recommendations for Belarus [Electronic resource] // EU4Digital Facility; EC, 2020. 52 p. URL : <https://eufordigital.eu/wp-content/uploads/2020/07/Policy-recommendations-for-Belarus-in-the-area-of-Digitising-industry-digital-transformation-of-SMEs-in-traditional-sectors.pdf> (date of access : 25.03.2021).
5. New organisational forms in support of ICT Innovation: policy recommendations for Azerbaijan [Electronic resource] // EU4Digital Facility; EC, 2020. 50 p. URL : <https://eufordigital.eu/wp-content/uploads/2020/07/Policy-recommendation-for-Azerbaijan-in-the-area-of-New-organisational-forms-in-support-of-ICT-innovation.pdf> (date of access : 25.03.2021).
6. Standards and the digitalisation of EU industry: economic implications and policy developments [Electronic resource] // European Parliament, 2019. 6 p. URL : [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/635608/EPRS_BRI\(2019\)635608_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/635608/EPRS_BRI(2019)635608_EN.pdf) (date of access : 25.03.2021).
7. Digital innovation SMEs' access to finance: policy recommendations for Ukraine [Electronic resource] // EU4Digital Facility; EC, 2020. 55 p. URL : <https://eufordigital.eu/wp-content/uploads/2020/07/Policy-recommendations-for-Ukraine-in-the-area-of-Digital-innovation-SMEs%E2%80%99-access-to-finance.pdf> (date of access : 25.03.2021).

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» В УСЛОВИЯХ И ПОД ВЛИЯНИЕМ ПАНДЕМИИ COVID-19

В. А. Сокол

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lera.sokol789@gmail.com*

С. Ф. Свилас

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, svilas@tut.by*

В статье содержится анализ последствий пандемии COVID-19 для инициативы «Один пояс, один путь». Посредством метода включенного наблюдения, анализа документов, институционального и структурно-функционального методов, а также на основе историографии проблемы рассмотрены цели, структурные элементы, приоритеты и оценки инициативы, выявлены предпосылки, причины и проявления её уязвимости. Авторы подчеркивают, что пандемия не перечеркнула масштабную инициативу КНР, а способствовала её переориентации на здравоохранение, «зелёные» технологии и цифровые услуги, превращению в высокотехнологичный проект, интегрируемый в концепцию взаимного усиления внутреннего и зарубежного рынков; приоритетом стало международное сотрудничество в сферах здравоохранения, экологии и цифровизации. Выявляется сущность новых концепций, возникших в рамках коррекции ОПОП под влиянием пандемии, – «Здорового», «Зеленого», «Цифрового» Шелкового пути, рассмотрены ход и перспективы их реализации. Подчеркнуто, что благодаря этим приоритетам ОПОП будет гармонично вписываться во внутреннюю постпандемическую макроэкономическую стратегию Китая, известную как «двойное обращение» и поддерживаемую большинством его торговых партнеров. Авторы присоединяются к оценке китайских экспертов, что высокотехнологичный «Один пояс, один путь», ориентированный скорее на торговлю, чем на инвестиции, является более устойчивым как для КНР, так и для её партнеров. Статья основана на анализе документов, разработанных Госкомитетом по развитию и реформам, Министерством иностранных дел, Министерством коммерции КНР, и может представлять интерес для экспертов и исследователей Республики Беларусь, которая является стратегическим партнером Китая.

Ключевые слова: глобализация; международное сотрудничество; Китай; инициатива «Один пояс, один путь»; COVID-19; концепция «двойного обращения»; «дипломатия масок»; «Здоровый», «Зеленый» и «Цифровой» Шелковый путь.

ON THE EVOLUTION OF THE “ONE BELT, ONE ROAD” INITIATIVE IN THE CONTEXT AND UNDER THE INFLUENCE OF THE COVID-19 PANDEMIC

V. A. Sokol

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, lera.sokol789@gmail.com

S. F. Sviles

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, svilas@tut.by

The article analyzes the impact of the COVID-19 pandemic on the “One Belt, One Road” initiative. Using the method of participant observation, document analysis, institutional and structural-functional methods, as well as on the basis of the historiography of the problem, the goals, structural elements, priorities and assessments of the initiative are considered, the prerequisites, causes and manifestations of its vulnerability are identified. The authors emphasize that the pandemic did not negate the large-scale initiative of the People's Republic of China, but contributed to its reorientation to health care, “green” technologies and digital services, turning into a high-tech project integrated into the concept of mutual strengthening of domestic and foreign markets; international cooperation in the fields of health, ecology and digitalization became a priority. The essence of new the concepts that emerged within the framework of the correction of the “One Belt, One Road” initiative under the influence of the pandemic – the “Health”, “Green”, “Digital” Silk Road – is revealed. It is emphasized that the Initiative will harmoniously fit into China’s domestic post-pandemic macroeconomic strategy, known as the “double circulation” and supported by most of its trading partners. The authors join the assessment of Chinese experts that the high-tech “One Belt, One Road”, focused on trade rather than investment, is more sustainable for both China and its partners. The article is based on the analysis of documents developed by the National Development and Reform Commission, the Ministry of Foreign Affairs, the Ministry of Commerce of the People’s Republic of China, and may be of interest to experts and researchers of the Republic of Belarus, which is a strategic partner of China.

Key words: *globalization; international cooperation; China; the “One Belt, One Road” initiative; COVID-19; the concept of “double circulation”; “mask diplomacy”; the “Health”, “Green” and “Digital” Silk Road.*

В сентябре 2013 г. в ходе визита в Казахстан Председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул инициативу возрождения древнего Шелкового пути и создания Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПП), направленного на разработку инновационной модели взаимодействия и формирование нового порядка межрегионального сотрудничества. Во взаимосвязи с инициативой строительства «Морского шёлкового пути XXI века» объединённая концепция получила название «Один пояс, один путь» [1, с. 41].

Необходимо отметить, что на начальном этапе, в 2013–2014 гг., инициатива существовала в форме расплывчатых заявлений без какой-либо конкретики. В марте 2015 г. концепция обрела свою структуру в виде программного документа, совместно разработанного Госкомитетом по делам развития и реформ, Министерством иностранных дел Китая и Министерством коммерции КНР [2, с. 38]. Документом определены пять приоритетов международного сотрудничества со странами, лежащими вдоль Шелкового пути: политическая координация, взаимосвязь инфраструктуры, бесперебойная торговля, свободное передвижение капитала и укрепление близости между народами [2, с. 39].

Главная цель проекта ОПОП – создание либо модернизация транспортных маршрутов из Китая в Европу и формирование вдоль них точек экономического роста. Сухопутный маршрут планируется через страны Центральной Азии и Ближнего Востока с выходом на Восточную и Западную Европу. Морской маршрут – традиционный, проходит через Тихий и Индийский океаны, Средиземное море [3, с. 112].

Эксперты оценивают «Один пояс – один путь» как «самый амбициозный экономический проект» [4, с. 29]. В его основе лежит стимулирование мирного сотрудничества, в котором имеют полное право участвовать все страны, независимо от размера их территории или уровня благосостояния. Инициатива ОПОП – это огромное пространство возможностей, реализация которых зависит прежде всего от заинтересованности государств в проекте, однако 2020 год показал, что камнем преткновения может стать иная причина.

Мировая экономика переживает беспрецедентный спад из-за пандемии COVID-19. Рецессию пережили все страны G20, за исключением Китая. Несмотря на то, что к концу 2020 г. стали очевидны признаки оживления торговли и промышленного производства, а к середине текущего года, по экономическому прогнозу Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), мировое производство достигнет уровня, предшествующего пандемии, ситуация во многом будет зависеть от эпидемиологической обстановки [5].

Такой крупный глобальный сбой, как пандемия COVID-19, имеет и глобальные последствия. Инициатива ОПОП страдает от прерывания цепочек поставок и ограничений на международные поездки, вызванных коронавирусом. Чем больше времени понадобится для налаживания полноценных связей между Китаем и странами, расположенными вдоль Шёлкового пути, тем больше времени потребуется Пекину для получения прибыли от своих внушительных инвестиций. В связи с пандемией COVID-19 инфраструктурные проекты «Одного пояса, одного пути» сталкиваются с рядом серьезных проблем. Прерваны поставки сырья и приостановлено производство строительных компонентов, а люди, задействованные в проектах, вынуждены оставаться дома в связи с карантинными мерами, введенными многими странами. Пандемия продемонстрировала такую уязвимость проектов «Одного пояса, одного пути», как зависимость от Китая: в основном, они финансируются Пекином и выполняются китайскими строительными компаниями, в которых зачастую используется китайская рабочая сила [6, с. 117–119].

В июне 2020 года в ходе брифинга по итогам прошедшей видеоконференции высокого уровня о международном сотрудничестве по ОПОП глава департамента международной экономики МИД КНР Ван Сяолун заявил, что почти 60% проектов инициативы в той или иной степени пострадали из-за пандемии COVID-19 [7]. Тем не менее, нельзя говорить о том, что пандемия COVID-19 положила конец масштабному проекту Поднебесной. В ответ на глобальный сбой, вызванный волной коронавируса, произошла переориентация инициативы на общественное здравоохранение, «зелёные» технологии и цифровые услуги, превращение её в высокотехнологичный проект, ориентированный скорее на торговлю, а не на инвестиции, и вписываемый в китайскую модель развития «двойного обращения» (концепция взаимного усиления внутреннего и зарубежного рынков). Приоритетом стало сотрудничество в области здравоохранения, экологии и цифровизации.

Пандемия выявила проблемные места системы общественного здравоохранения. Стало очевидно, что международному сообществу не хватает совместных механизмов предотвращения распространения опасных вирусов и контроля над ними, региональных механизмов реагирования на чрезвычайные ситуации, а также возможностей в области медицины и здравоохранения. Китай приступил к оказанию помощи странам-участникам инициативы (строительство больниц, передача опыта, оборудования, материалов), а реализация оформившейся в условиях пандемии концепции «здоровый Шёлковый путь» помогла улучшить эпидемическую обстановку вдоль маршрута [8, с. 23]. Проводимая Пекином «дипломатия масок» получила высокую оценку в большинстве европейских стран [9, с. 206].

«Зелёный Шёлковый путь» является важной составляющей инициативы ОПОП. В связи с тем, что масштабные проекты наносят ущерб окружающей среде, требуются соответствующие профилактика и реакция. С целью сохранения долгосрочных экономических перспектив и социальной значимости проектов, в Китае и странах-партнерах по инициативе придают особое значение поддержанию баланса между экономическими, социальными и экологическими приоритетами. Особое место отводится внедрению чистых источников энергии и развитию цифровой экономики, искусственного интеллекта и нанотехнологий, квантовых компьютеров и др. [10]. Китай декларировал, что к 2060 г. станет углеродно-нейтральным государством (все выбросы углекислого газа должны быть к тому времени нейтрализованы очистными сооружениями либо компенсированы, например, посадкой деревьев) [11]. В 2019 г. более 70% солнечной фотоэлектрической энергии, производимой во всем мире, было произведено в Китае [10].

Наконец, возобновление продвижения «цифрового Шёлкового пути» — одно из направлений развития страны в сфере цифровизации. Цель — сделать цифровые технологии локомотивом развития инициативы «Один пояс, один путь». Сейчас на Китай приходится 23% глобальных трансграничных потоков данных — в основном, благодаря использованию китайских приложений и услуг в Японии и Юго-Восточной Азии. Это почти вдвое больше, чем доля США. Ки-

тай также внедряет ведущий в мире цифровой юань с целью сбора большего количества данных и ослабления доминирования доллара США [12].

За счет трех приоритетов («здоровый», «зеленый», «цифровой» Шелковый путь) коррекция ОПОП будет четко вписываться во внутреннюю постпандемическую макроэкономическую стратегию Китая, известную как «двойное обращение». Большинство торговых партнеров Китая считают обновлённый формат более привлекательным – это формула быстрой постпандемической экономической нормализации. По оценке китайских экспертов, высокотехнологичный «Один пояс, один путь», ориентированный скорее на торговлю, чем на инвестиции, является более устойчивым [13, с. 124].

В опубликованном Государственным комитетом КНР по развитию и реформам Докладе о выполнении плана экономического и социального развития за 2020 год и проекте плана на 2021 г. уделено особое внимание продвижению строительства «Одного пояса, одного пути». На основе единого планирования прогрессировали работа по профилактике и контролю эпидемии COVID-19 и строительство зарубежных проектов в рамках ОПОП, инвестиционная деятельность за рубежом в целом оставалась стабильной. Была подписана программа сотрудничества по совместному строительству «Одного пояса, одного пути» между Китаем и Африканским союзом. Непрерывно углублялись международное сотрудничество в сфере производственных мощностей и сотрудничество на рынках третьих сторон. На территории экономического коридора Китай–Пакистан успешно координировались усилия по борьбе с эпидемией и реализация строительных проектов. Активные сдвиги наметились в строительстве особой экономической зоны Кьяукпью (Мьянма) и образцово-показательного парка сотрудничества в сфере производственных мощностей между Китаем и ОАЭ. «Основательно» продвигалась реализация проектов по укреплению инфраструктурной взаимосвязанности (железнодорожная магистраль Джакарта–Бандунг, железные дороги Венгрия–Сербия, Китай–Лаос и Китай–Таиланд). «Интенсивно» развёртывалось строительство «здорового Шёлкового пути», «зелёного Шёлкового пути» и «цифрового Шёлкового пути». «Надёжно» гарантировалась безопасная, стабильная и бесперебойная эксплуатация рейсов «Китайско-европейского экспресса», суммарное количество которых превысило 12 тыс., увеличившись на 50%, несмотря на неблагоприятную ситуацию; доля груженых контейнеров в расчёте по маршруту Китай–Европа–Китай составила 98,4% [14, с. 34].

В документе подчеркнута необходимость совместных консультаций, декларируется приверженность принципу совместного строительства и совместного использования, концепции экологичности, открытости и неподкупности, отмечена важность противоэпидемической работы, энергичного продвижения строительства «здорового Шёлкового пути» и «цифрового Шёлкового пути». Государственный совет КНР ориентирует на повышение качества и эффективности инвестиций, содействие сопряжению программ развития Китая с подобными программами других стран и регионов, строительство приграничных зон торгово-экономического сотрудничества. КНР нацелена на достижение позитивных результатов в реализации проектов по укреплению взаимосвязи желез-

нодорожной, портовой и энергетической инфраструктуры, продвижению строительства экономического коридора Китай–Пакистан, содействие строительству экономического коридора Китай–Монголия–Россия. Предусматривается активизация сотрудничества на рынках третьих сторон с ЕС, Сингапуром, Республикой Корея, Японией и др., оформление перечней важнейших проектов с заинтересованными государствами в этих рамках, углубление сотрудничества с международными организациями. Отмечается важность работы по предупреждению и устранению рисков, эффективной защите законных прав и интересов китайских инвесторов и хозяйствующих субъектов за рубежом. Предписывается расширение сотрудничества по развитию электронной коммерции в рамках инициативы «Один пояс, один путь». В контексте реализации проекта «Китайско-европейский экспресс» предусмотрено увеличение пропускной способности железных дорог и пунктов пропуска, интенсификация строительства узловых точек и зарубежных складов, активизация реализации образцово-показательных проектов по созданию собирательно-распределительных центров, содействие формированию соответствующего механизма межправительственного сотрудничества. Планируются переговоры по совместной реализации программы сотрудничества с Сингапуром по строительству нового международного сухопутного и морского торгового коридора, содействие сопряжению этой программы с механизмом многостороннего сотрудничества в бассейне реки Ланьцанцзян-Меконг, организация работы по созданию Синьцзянского и Фуцзяньского центральных районов в рамках «Одного пояса, одного пути, поощрение глубокой интеграции основных стратегий регионального развития, включая экономический пояс реки Янцзы, широкая информационная поддержка инициативы [14, с. 64–65].

Несмотря на то, что уже спустя полтора года после первых случаев началась вакцинация от COVID-19, ситуация в мире далека от благополучного урегулирования. Мировой экономике потребуется время, чтобы оправиться от введенных правительствами ограничений. В этих условиях Китай уверенно идет к восстановлению политической и экономической ситуации, корректируя свои инициативы и выдвигая новые проекты. Инициатива «Один пояс, один путь» приобретает более продуктивную конфигурацию в экономическом, социальном, технологическом и других планах. Вместе с тем, долгосрочное воздействие пандемии на ОПОП – реальный повод для беспокойства: под вопросом стоит продолжение финансирования китайскими банками многих её проектов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Великий Шелковый путь. Веха в пути: [казахстанско-китайские отношения, развитие Китая, актуальные международные проблемы: сборник статей]. Астана : Исследовательский институт «Общественное мнение», 2013. С. 17–44.
2. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века. Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 2015. С. 38–40.
3. Тавровский Ю. В. Новый Шёлковый путь / Ю.В. Тавровский. Москва : Эксмо, 2017. 368 с.
4. Ван Ивэй. Один пояс и один путь: что принёс миру подъём Китая / Ван Ивэй. Пекин : New World Press, 2017. С. 28–36.

5. A global economic recovery is in sight [Electronic resource]. URL : <https://www.oecd.org/economic-outlook/> (date of access : 24.03.2021).
6. Mouritz, F. Implications of the COVID-19 Pandemic on China's Belt and Road Initiative / Frank Mouritz // *Connections: The Quarterly Journal*. 2020. P. 117–124.
7. В КНР заявили, что пандемия негативно отразилась на 60% проектов инициативы «Пояс и путь» [Электронный ресурс]. URL : <https://tass.ru/ekonomika/8766085> (дата обращения : 23.03.2021).
8. Борьба с COVID-19: Китай в действии / Цзин Ту, Сян Хаоян, Жань Шаньчуань // *Китай*. 2020. №7. С. 22–25.
9. Verma, R. China's 'mask diplomacy' to change the COVID-19 narrative in Europe / Raj Verma // *Asia Europe Journal*. 2020. P. 206–207.
10. «Зеленый Шёлковый путь» именно тот выбор, который может помочь изменить наше будущее к лучшему [Электронный ресурс]. URL : <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0925/c95181-9764123.html> (дата обращения : 23.03.2021).
11. Climate change: China aims for «carbon neutrality by 2060» [Electronic resource]. URL : <https://www.bbc.com/news/science-environment-54256826> (date of access : 24.03.2021).
12. Coronavirus Hasn't Killed Belt and Road [Electronic resource]. URL : <https://foreignpolicy.com/2021/01/06/coronavirus-hasnt-killed-belt-and-road/> (date of access : 24.03.2021).
13. Глянц М. Г. Инициатива Китая «Один пояс – Один путь» и пандемия коронавируса / М.Г. Глянц // *Проблемы постсоветского пространства*. 2020. №7(2):120-129. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-120-129>.
14. Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2020 год и проекте плана на 2021 год / Государственный комитет КНР по развитию и реформам. 2021. 90 с.

ГЕРМАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПАНДЕМИЯ COVID-19

Ю. В. Станкевич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, sjv15062001@gmail.com*

С. Ф. Свилас

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, svilas@tut.by*

В статье посредством системного, ценностного и антропологического подходов, а также на основе оригинальных источников, впервые введенных в научный оборот, рассматривается противоречивое влияние пандемии COVID-19 на состояние и развитие германо-китайских отношений. Авторы констатируют, что и до начала пандемии во взаимодействии Берлина и Пекина существовал ряд проблем политического и экономического характера, для частичного решения которых был созван саммит ЕС – Китай (июнь 2020 г.). Его главными темами стали торговля, инвестиции, изменение климата, цифровизация, права человека, совместная борьба с пандемией. Инициатива по организации форума демонстрирует приоритетное место Китая среди внешнеполитических интересов ФРГ. Выделены три основных направления взаимодействия двух государств по вопросу борьбы с COVID-19: сотрудничество в области исследований, поддержка международных решений, обеспечение поставок медицинских средств и средств индивидуальной защиты. В качестве перспективных сфер дальнейшего развития отношений рассматриваются сотрудничество в области создания и производства вакцин, торговое и инвестиционное взаимодействие, реагирование на изменение климата.

На конкретных примерах авторы показывают, что борьба с пандемией не только способствовала укреплению деловых германо-китайских отношений, но и усилила негативное отношение к Китаю в общественном мнении, обусловленное критикой антикризисного управления и пропагандистской риторики Пекина, его стремления играть роль единственного лидера в борьбе с COVID-19. Кризис обнажил ряд проблем в отношениях «сотрудничества и конкуренции», стимулировав Берлин к анализу зависимости Германии от экспорта ряда китайских товаров и поиску её преодоления.

Актуальность и практическая значимость исследования опыта германо-китайского сотрудничества в борьбе с коронавирусом обусловлены статусом Германии и Китая как великих держав, их значением во внешнеполитическом курсе Республики Беларусь, глобальным характером проблемы.

Ключевые слова: *глобализация; германо-китайские отношения; пандемия Covid-19; международное сотрудничество; саммит ЕС-Китай; антикризисное управление; «масочная дипломатия»; имидж страны.*

GERMAN-CHINESE RELATIONS AND THE COVID-19 PANDEMIC

Y. V. Stankevich

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, sjv15062001@gmail.com

S. F. Svilas

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, svilas@tut.by

The article examines the controversial impact of the COVID-19 pandemic on the state and development of German-Chinese relations through a systemic, value-based and anthropological approach, as well as on the basis of original sources introduced into scientific circulation for the first time. The authors state that even before the start of the pandemic, there were a number of political and economic problems in the interaction between Berlin and Beijing, for a partial solution of which the EU-China summit was convened (June 2020). Its main topics were trade, investment, climate change, digitalization, human rights, and the joint fight against the pandemic. The initiative to organize the forum demonstrates China's priority place among the foreign policy interests of the FRG. Three main areas of interaction between the two states on the fight against COVID-19 have been highlighted: cooperation in the field of research, support for international solutions, and ensuring the supply of medical supplies and personal protective equipment. Cooperation in the field of creation and production of vaccines, trade and investment interaction, response to climate change are considered as promising areas for the further development of relations.

Using specific examples, the authors show that the fight against the pandemic not only contributed to the strengthening of German-Chinese business relations, but also increased the negative attitude towards China in public opinion, due to criticism of the anti-crisis management and propaganda rhetoric of Beijing, its desire to play the role of the only leader in the fight against COVID-19. The crisis exposed a number of problems in the relationship of «cooperation and competition», prompting Berlin to analyze Germany's dependence on the export of a number of Chinese goods and seek to overcome it.

The relevance and practical significance of studying the experience of German-Chinese cooperation in the fight against coronavirus is due to the status of Germany and China as great powers, their importance in the foreign policy of the Republic of Belarus, and the global nature of the problem.

Key words: *globalization; German-Chinese relations; pandemic Covid-19; the international cooperation; the EU-China summit; crisis management; «mask diplomacy»; image of the country.*

Германо-китайские отношения еще до начала глобального кризиса, вызванного COVID-19, характеризовались наличием противоречий. Ухудшение политических отношений связано со скептической позицией Германии, касающейся отношения Пекина к продемократическому режиму в Гонконге и масштабных нарушений прав человека в Синьцзяне. Традиционно налаженные де-

ловые отношения также претерпели ряд неудач, основу которых составляют споры о рисках (в основном, политического характера) ведения бизнеса с китайскими партнерами [1, с. 25].

Важным событием для китайско-европейских и китайско-немецких отношений стал саммит ЕС–Китай. Он был запланирован в качестве важного геополитического события в условиях смены председательства Германии в Совете ЕС. Предполагалось, что Лейпциг станет ареной трехдневного форума, на котором председатель КНР Си Цзиньпин впервые встретится со всеми 27 главами государств-членов ЕС. Правительство Германии отменило очный формат из-за пандемии коронавируса, и форум проходил 22 июня 2020 г. виртуально, в течение одного дня. С европейской стороны встречу возглавляли председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен и канцлер Германии Ангела Меркель как действовавший на тот момент председатель Совета ЕС. Главными темами стали торговля и инвестиции, международное сотрудничество, изменение климата, цифровизация, права человека и внешняя политика, борьба с последствиями кризиса, вызванного пандемией коронавируса. Инициатива организации саммита ЕС с Китаем демонстрирует приоритетное место КНР среди внешнеполитических интересов ФРГ [2].

Пандемия коронавируса привнесла новые тона в палитру германо-китайских отношений. Коммуникация между Германией и Китаем на высшем политическом уровне в направлении борьбы с COVID-19 отражает три приоритета взаимодействия: сотрудничество в области исследований, риторическая поддержка международных решений и обеспечение поставок медицинских средств и средств индивидуальной защиты.

24 ноября 2020 г. состоялся телефонный разговор председателя КНР Си Цзиньпина с канцлером Германии Ангелой Меркель о совместной работе по борьбе с пандемией. Си Цзиньпин отметил, что с начала пандемии Китай и Германия поддерживали гибкую коммуникацию, а практическое сотрудничество продолжало развиваться. Глава КНР выразил надежду, что новый раунд китайско-германских межправительственных консультаций позволит наметить планы сотрудничества двух стран в различных областях. Ангела Меркель выделила в качестве перспективных сфер дальнейшего развития отношений сотрудничество в области создания и производства вакцин, торговое и инвестиционное взаимодействие, реагирование на изменение климата [3].

В рамках сотрудничества в направлении борьбы с коронавирусом осуществлялся обмен опытом посредством различных каналов. Доктор Тим Экманнс, представитель агентства по профилактике и контролю заболеваний, (Институт Роберта Коха) присоединился к Совместной миссии ВОЗ в Китае по информированию международного сообщества (февраль 2020 г.). Среди целей миссии – обсуждение мер и задач по профилактике инфекций и борьбе с ними, учитывая значительное число случаев инфицирования медицинских работников в Ухане, изучение и распространение позитивных аспектов китайского опыта борьбы с пандемией, анализ проблемных вопросов. Важная сторона миссии доктора Тима Экманнса заключалась в улучшении понимания природы коронавирусной инфекции в Германии [4, с.21].

Объединение усилий в борьбе с пандемией произошло и на уровне частного сектора. Немецкая компания BioNTech объединилась с китайской фармацевтической компанией Fosun для разработки РНК-вакцины BNT162 против коронавируса. BioNTech и Fosun Pharma будут совместно проводить клинические испытания BNT162 в Китае, используя запатентованную технологию вакцины мРНК BioNTech и возможности клинической разработки и коммерциализации Fosun Pharma в Китае. Fosun Pharma будет коммерциализировать вакцину в Китае после получения разрешения регулирующих органов, при этом BioNTech сохранит за собой полные права на разработку и коммерциализацию вакцины в остальном мире [5].

Положительная динамика в области практического сотрудничества по борьбе с пандемией коронавируса сопровождалась противоположными трендами в публичной дипломатии. Германские политики всего партийного спектра публично критиковали китайский способ преодоления кризиса, а также международные пропагандистские усилия КНР. Обеспокоенность Берлина вызвана активностью Китая как мирового игрока в условиях слабости Европы, борющейся с вирусом. Пресс-секретарь по внешней политике Зеленых в Бундестаге Омид Нурипур поставил под сомнение «масочную дипломатию», воспринимая ее, в основном, как символ, а не как реальную помощь. Социал-демократическая фракция выражала обеспокоенность в связи с зависимостью системы снабжения Германии от Китая. Ангела Меркель заявила, что Европа не может себе позволить раздробление по важным политическим вопросам, а помощь Китая Европе она расценила как «жест взаимности» [6].

В свою очередь, Посол Китая в Германии Ву Кен использовал немецкие СМИ для подавления критики в отношении действий КНР по борьбе с пандемией. Посол подчеркивал способность китайской системы справиться с кризисом и необходимость активного участия правительства в антикризисном управлении. В апреле 2020 г. Коммунистическая партия Китая и примерно 230 политических партий из более чем 100 стран опубликовали совместное открытое письмо, призывающее к более тесному международному сотрудничеству для победы над Covid-19. В обращении подчеркивалась необходимость согласованных усилий и научно обоснованного целенаправленного подхода в борьбе с пандемией коронавируса. Христианско-демократический союз Германии стал одной из партий, которая получила предложение подписать текст письма [7].

Примером успешной публичной дипломатии КНР в Германии стал «случай Хайнсберга». Этот город для Германии можно сравнить с Уханем для Китая – эпицентром распространения коронавируса в стране. Глава администрации округа Штефан Пуш в условиях дефицита средств индивидуальной защиты на немецком рынке решил обратиться к генконсулу КНР в Германии с просьбой о помощи, и председатель КНР Си Цзиньпин распорядился отправить в Хайнсберг 15 000 защитных масок. Это событие широко транслировалось в немецких СМИ и стало свидетельством слабого антикризисного управления в Германии [8].

Антикризисная политика Пекина часто воспринималась в качестве пропагандистской, что наносило серьезный удар имиджу Китая в Германии. Новый

опрос Pew Research Center, проведенный в 14 странах (2020 г.), показал, что за последний год во многих странах с развитой экономикой резко возросло неблагоприятное общественное мнение о Китае, большинство респондентов настроено отрицательно по отношению к этой стране. В Германии отрицательные настроения достигли самой высокой точки с тех пор, как Pew Research Center начал опросы на эту тему более десяти лет назад. Если в 2002 г. 46% населения Германии воспринимали Китай как благоприятную страну, а 37% как неблагоприятную, то в 2020 г. ситуация кардинально изменилась: 71% представляет страну в негативном свете и лишь 25% придерживаются положительного мнения о Китае [9].

Таким образом, борьба с пандемией коронавируса способствовала укреплению деловых германо-китайских отношений, а с другой – усилила негативное отношение к Китаю в Германии в связи с критикой китайского антикризисного управления и пропагандистской политики. COVID-19 продемонстрировал растущее влияние Китая в Европе и то, как он смог воспользоваться возможностью, чтобы заявить о себе как о глобальном лидере. Кризис обнажил ряд проблем двусторонних отношений, стимулировав Берлин к анализу зависимости Германии от экспорта Китая и поиска целесообразного плана диверсификации цепочек поставок. В совместной борьбе Берлина и Пекина с коронавирусом ярко проявились черты их одновременного сотрудничества и конкуренции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Covid-19 and Europe-China Relations, a country-level analysis [Electronic resource] / European Think-tank Network on China // Special Report. 2020. URL : https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/etnc_special_report_covid-19_china_europe_2020.pdf (date of access: 30.03.2021).
2. Coronavirus makes Germany's EU-China summit go virtual [Electronic resource]. URL : <https://www.dw.com/en/coronavirus-makes-germanys-eu-china-summit-go-virtual/a-54907146>. (date of access: 30.03.2021).
3. Xi Jinping Speaks with German Chancellor Angela Merkel on the Phone [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2020. URL : https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1835710.shtml (date of access : 30.03.2021).
4. The origins of the Covid-9 global pandemic, including the roles of the Chinese Communist Party and the World Health Organization [Electronic resource] / Michael T. McCaul // House Foreign Affairs Committee Minority Staff Report. 2020. URL : <https://www.hsdl.org/?view&did=846088> (date of access: 30.03.2021).
5. BioNTech and Fosun Pharma form COVID-19 vaccine strategic alliance in China [Electronic resource]. URL : <https://investors.biontech.de/news-releases/news-release-details/biontech-and-fosun-pharma-form-covid-19-vaccine-strategic/> (date of access: 30.03.2021).
6. Wie kann Chinas Einfluss auf Europa begrenzt werden? [Electronic resource] // Süddeutsche Zeitung. 2020. URL : <https://www.sueddeutsche.de/politik/coronavirus-china-europa-1.4863357> (date of access : 30.03.2021).
7. A joint open letter from world political parties concerning closer international cooperation against COVID-19 [Electronic resource] // International Department Central Committee of CPC. URL : https://www.idcpc.org.cn/english/hengfu/202004/t20200402_138251.html (date of access : 30.03.2021).
8. Gegen Virus und Stigma: Landrat Stephan Pusch [Electronic resource]. URL : <https://www.dw.com/de/gegen-virus-und-stigma-landrat-stephan-pusch/a-53162544> (date of access : 30.03.2021).

9. Unfavorable Views of China Reach Historic Highs in Many Countries [Electronic resource] // Pew Research Center. 2020. URL : <https://www.pewresearch.org/global/2020/10/06/unfavorable-views-of-china-reach-historic-highs-in-many-countries/> (date of access : 30.03.2021).

МОНГОЛИЯ И ШОС: ПО ПУТИ ВЗАИМОВЫГОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Тунлага

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tunlaga@yandex.by

В статье приводится анализ сотрудничества Монголии и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Монголия активно укрепляет сотрудничество с межправительственными организациями и придает большое значение участию в их деятельности. ШОС является одной из стратегически важных организаций для Монголии.

Ключевые слова: внешняя политика Монголии; Китайская Народная Республика; Российская Федерация; Шанхайская организация сотрудничества; взаимное доверие и добрососедство; безопасность и стабильность; экономическое сотрудничество; транспортные коридоры.

MONGOLIA AND SCO: ON THE WAY OF MUTUALLY BENEFICIAL COOPERATION

Tonglaga

Belarusian State University,
Independence ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, tunlaga@yandex.by

The article analyzes the cooperation between Mongolia and the Shanghai Cooperation Organization (SCO). Mongolia is actively strengthening cooperation with intergovernmental organizations and attaches great importance to participation in their activities. The SCO is one of the most important organizations for Mongolia.

Key words: Mongolia's foreign policy; People's Republic of China; Russian Federation; Shanghai Cooperation Organization; mutual trust and good neighborliness; safety and stability; economic cooperation; transport corridors.

В настоящее время Шанхайская организация сотрудничества является одной из самых влиятельных организациях на международной арене. Следует отметить, что монгольская, китайская и российская историография в исследуемый период уделяла значительное внимание изучению этой тематики. Монгольские исследователи Б. Авирмэд [1], Болор [2], Д. Шурхуу [7] и Н. Сарантуяа [32] проанализировали взаимодействие Монголии и ШОС в экономической сфере. Их исследования были сосредоточены на улучшении сотрудничества с организацией.

Китайские эксперты Ван Цзинго, Чен Ячжоу [3], Ли Чао, Ян Шу [4] рассматривали роль и место ШОС во внешней политике Монголии, также изучали вопрос о полноправности участия Монголии в ШОС.

Российский автор В. А. Родионов — является известным монгольским востоковедом, крупным специалистом по истории и современному состоянию Монголии и ШОС, а также системам международных отношений в регионе [5–6]. Он исследовал отношения между Монголией, ШОС и странами Центральной Азии. Несмотря на это, тема сотрудничества Монголии и ШОС исследована недостаточно. Так как Республика Беларусь является партнером ШОС по диалогу (2010 г), новизна исследований сотрудничества Монголии и ШОС для белорусской историографии бесспорна.

По мнению Н. Сарантуяа использовать возможности, предоставляемые статусом государства наблюдателя при ШОС, для активизации в рамках данной организации взаимодействия Монголии с Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой и другими государствами-членами в торгово-экономической области, в сферах безопасности, энергетики, транспорта, сельского хозяйства и на гуманитарном направлении [33]. Сотрудничество Монголии и ШОС в сферах энергетики, экономики, транспорта и туризма. Монголия участвует в деятельности ШОС более десяти лет, начиная с 2004 года, когда она стала первой страной-наблюдателем данной организации [15].

С 2005 по 2006 год президент Монголии Н. Энхбаяр дважды участвовал в Совете глав государств ШОС. В 2006 г. министр иностранных дел Монголии Н. Энхболд заявил о необходимости расширения участия представителей ШОС [2, с. 31]. Следует отметить, что Глава Монголии проводил активную региональную политику и ценил сотрудничество с ШОС.

В апреле 2007 года по приглашению министра иностранных дел Монголии Н. Энхболда Генеральный секретарь ШОС Б. Г. Нургалиев, нанес официальный визит в Монголию. В результате визита стороны укрепили сотрудничество между Монголией и ШОС в сферах энергетики, экономики, транспорта и туризма [4, с. 71]. Вышеупомянутые области сотрудничества являлись основой экономического развития Монголии. Благодаря сотрудничеству с этой организацией, Монголия значительно стимулировала развитие энергетики и экономического потребления. В январе 2010 года в Улан-Баторе впервые было проведено заседание Делового совета ШОС [4, с. 72], что показывает углубление сотрудничества Монголии и ШОС.

Кроме того, монгольские предприятия положительно относятся к участию в региональных проектах межсетевого взаимодействия. В настоящее время Монгольский банк развития стал банком-партнером по диалогу в Шанхайской организации сотрудничества и продемонстрировал твердую готовность к развитию финансового сотрудничества.

Монголия является первым государством-наблюдателем в ШОС и осторожно относится к вопросу вступления в ШОС. С учетом внутринеополитической ситуации, Монголия не выразила особой заинтересованности в том, чтобы стать полноправным членом, и не подала заявку на официальное членство в ШОС. Участие в ШОС способствовало сотрудничеству Монголии с Китаем и Россией, и две соседние страны также настоятельно рекомендовали Монголии стать полноправным членом этой организации.

В 2000 г. президент России В.В. Путин нанес официальный визит в Монголию, в ходе которого стороны приняли «Улан-Баторскую декларацию». Две страны совместно заявили, что они будут бороться с терроризмом, религиозным экстремизмом и региональным сепаратизмом, которые угрожают региональной безопасности, стабильности и развитию, а борьба с «тремя силами» является стержнем, миссией и целью ШОС [3, с. 37].

В 2020 г. президент России Владимир Путин на церемонии вручения верительных грамот иностранных послов заявил, что Россия приветствует более активное участие Монголии в деятельности Шанхайской организации сотрудничества. Владимир Путин сказал: «Мы считаем целесообразным расширять тесное политическое сотрудничество в торговой, инвестиционной и гуманитарной сферах посредством конкретных проектов. Мы удовлетворены прогрессом трехстороннего диалога Россия – Монголия – Китай и приветствуем более активное участие Монголии в деятельности ШОС» [20].

В 2005 г., когда президент Монголии посетил Китай, председатель Ху Цзиньтао сказал: «Китай поддерживает активное участие Монголии в ШОС, а также поддерживает участие Монголии в других организациях регионального сотрудничества» [3, с. 74]. По мнению министра иностранных дел КНР Ван И, после десяти лет пребывания в статусе государства-наблюдателя при Шанхайской организации сотрудничества Монголия может стать следующим ее членом. На данный момент в организации пять наблюдателей и три партнера по диалогу. «Монголия была первой страной, которая получила статус наблюдателя. Сейчас поступило послание от премьер-министра Монголии по случаю этого события», сказал Ван И, выступая на приеме в Пекине по случаю 13-й годовщины образования ШОС. «Хотя мы еще не изучили содержание этого послания, но расцениваем его как хороший сигнал. Прошло десять лет, и пора рассматривать вопросы подготовки к обретению Монголией статуса полноправного члена ШОС», заявил китайский министр [29]. Таким образом, можно видеть позицию Китая по поводу участия Монголии в ШОС в качестве государства-члена. Китай придерживается устойчивой позиции по формальному членству Монголии в ШОС.

По мнению китайского исследователя Ли Чао, главной задачей участия Монголии в ШОС является развитие экономического партнерства, с акцентом на сотрудничество с КНР, которая является второй экономикой мира по номинальному ВВП. Совместная работа в ШОС предоставляет все больше возможностей для такого партнерства [22].

Причина, по которой Монголия занимает неопределенную позицию по отношению ко вступлению в ШОС, состоит в том, что окончание Холодной войны заставило страну законодательно определить политику «третьего соседа». Исходя из особенностей страны «средней зоны», Монголия не присоединяется к лагерям сверхдержав.

Самое главное, что у Монголии нет четкого понимания позиционирования и будущего развития в рамках ШОС. Внутриполитические элиты и народ придерживаются общего мнения по этому вопросу. Монголия может сохранить статус государства-наблюдателя в ШОС. Сохранение независимости своей соб-

ственной внешней стратегии, поэтому обеспечение независимости внешней стратегии является тем направлением, на котором неоднократно настаивала Монголия.

Монголия может сохранить свой статус государства-наблюдателя в ШОС, чтобы сохранять гибкость во внешней стратегии. Поэтому в течение короткого периода времени позиция Монголии о присоединении к ШОС не изменится. В будущем Монголия сосредоточит свое внимание на региональном сотрудничестве в Северо-Восточной Азии и Центральной Азии, в целях укрепления сотрудничества с развитыми странами. Еще одним аспектом внешней политики является сотрудничество с международными организациями, для укрепления своих позиций в международном пространстве.

Основным фактором тесного регионального сотрудничества могут выступать общие вызовы и угрозы. Важнейшим фактором сотрудничества Улан-Батора с ШОС, выступают монголо-китайские отношения. Обеим сторонам следует задействовать потенциал торгово-экономического сотрудничества и сосредоточиться на развитии долгосрочной стабильной и взаимовыгодной двусторонней торговли.

«Официальный Улан-Батор неоднозначно относится к перспективе вступления в Шанхайскую организацию сотрудничества», заявил 13 сентября 2018 года министр иностранных дел Монголии Д. Цогтбаатар. «Раньше мы к этому вопросу (вступления Монголии в ШОС – ИФ) относились очень конкретно: ограничимся ролью наблюдателя. Но со вступлением Индии и Пакистана мы тоже начинаем этот вопрос обсуждать открыто. Прямо скажу, неоднозначные выводы пока, но обсуждаем», – сказал Д. Цогтбаатар в интервью, опубликованном в четверг в газете «Коммерсант». При этом он уточнил, что «есть много аргументов и за, и против». «Идея для нас новая, она раньше не обсуждалась. У многих есть сомнение, что нам это нужно. У нас нет ни терроризма, ни сепаратизма, ни экстремизма (борьба с этими «триадами зла» – основная задача ШОС). Пограничных вопросов с соседями у нас нет. Так что мы продолжаем взвешивать (аргументы за и против – ИФ)», – пояснил глава МИД Монголии [25]. ШОС не является военным блоком (как, например, НАТО) или открытым регулярным совещанием по безопасности как, например, Региональный форум Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по безопасности (АРФ), а занимает промежуточную позицию. Главными задачами организации провозглашены укрепление стабильности и безопасности на широком пространстве, объединяющем государства-участников, борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, наркотрафиком, развитие экономического сотрудничества, энергетического партнерства, научного и культурного взаимодействия. Монголия пока не намерена становиться полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества. Об этом заявил министр иностранных дел Монголии Н. Энхболд. Министр также заявил, что в случае проведения совместных военных учений в рамках ШОС Монголия, согласно конституции, не будет в них участвовать. В целом, подчеркнул Н. Энхболд, монгольская сторона «заинтересована в углублении взаимодействия, прежде всего, в торгово-экономической области, реализации совместных проектов, в частности, по раз-

витию региональной инфраструктуры, транзитных перевозок по маршруту Россия – Монголия – Китай. Улан-Батор рассматривает ШОС как очень важный механизм регионального сотрудничества, укрепления доверия между странами региона», подчеркнул глава монгольского МИД [30].

«Монголия стала в 2004 первой страной, получившей статус наблюдателя при ШОС. Как страна-наблюдатель она участвует в сотрудничестве с ШОС по ряду направлений. Мы будем только приветствовать повышение статуса Монголии в ШОС до полного членства. Исходим из того, что монгольская сторона взвесит все аспекты своего возможного полноформатного участия в ШОС и примет единственно верное решение, которое отвечает ее национальным интересам», сказал посол в интервью РИА Новости [26].

В последнее время Улан-Батор обсуждает вопрос о целесообразности вступления в Шанхайскую организацию сотрудничества. «Это решение может определить путь развития Монголии на пятьдесят или сто лет, и оно не должно быть принято на закрытом заседании политиков. Поэтому мы призываем провести всеобщий референдум», – заявил на пресс-конференции председатель Национальной трудовой партии Б. Найдалаа. О планах страны присоединиться к ШОС стало известно в мае. С такой инициативой выступил президент Монголии Х. Баттулга. Глава государства дал понять, что Монголия намерена повысить свой статус в ШОС и стать ее полноправным членом – сейчас она имеет этой организации статус партнера. По словам президента, это позитивно повлияет на экономику страны, поскольку появятся возможности для продвижения новых масштабных проектов.

После заявления президента в стране развернулась широкая общественная дискуссия, в которой принимают участие политики и ведущие эксперты. Так, исследователь Института международных исследований Академии наук Монголии И. Энхболд отметил: «Важно определить, какие возможности у нас будут после вступления или что мы потеряем, не став членом этой организации. Считаю, что после вступления в ШОС нам необходимо будет продвигать проект экономического коридора Китай – Монголия – Россия. Тем более, что Улан-Батору надо реализовывать активные меры по проектам железной дороги, нефтяной и газовой трубы и электроэнергетической линии», – считает эксперт. На днях в парламенте Монголии прошло обсуждение вопроса в закрытом режиме.

По данным некоторых источников, большинство членов парламента выступили за вступление в ШОС, однако официального заявления по этому поводу пока не было. Улан-Батор давно проявляет интерес к участию в проектах стран ШОС. На переговорах глав Китая, Монголии и Узбекистана, прошедших на полях Ташкентского саммита ШОС в 2016 г., важнейшим из них был назван транспортный «монгольский коридор». В итоге было подписано соглашение между Федеральной таможенной службой Российской Федерации, Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики и Главным таможенно-налоговым управлением Монголии о взаимном признании результатов таможенного контроля в отношении отдельных видов товаров, а также программа создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия. Она

направлена на активизацию приграничных связей за счет запуска более тридцати трехсторонних инвестиционных проектов, особенно в области инфраструктуры. При этом эксперты и политики сходятся во мнении, что сотрудничество государств не должно ограничиваться экономическими коридорами, транспортными и таможенными вопросами.

Одно из перспективных направлений – многогранное региональное взаимодействие. Сегодня многие страны ШОС готовы сотрудничать с Монголией, совместно реализовывать политику открытости и партнерства в стратегии развития ШОС до 2025 года, наращивать взаимодействие в области транзитных перевозок, продовольственной безопасности, чрезвычайных ситуаций, энергетики и в других сферах. Китай готов вместе с Россией и другими коллегами по ШОС осуществлять сотрудничество с Монголией. В частности, совместно реализовывать политику открытости и партнерства в стратегии развития ШОС до 2025 года, наращивать взаимодействие с Монголией во многих областях. Председатель КНР Си Цзиньпин считает, что стороны должны продвигать трехстороннее взаимодействие на основе сопряжения китайской инициативы «Экономического пояса Шелкового пути» и российских стратегий, в частности строительства трансевразийского коридора, а также монгольской инициативы «Степного пути». Он подчеркнул, что страны должны расширять сотрудничество в рамках ШОС, поскольку это «полезная платформа нашего трехстороннего сотрудничества». В настоящее время Монголия достаточно укрепила свои в шосовской семье. Государство планирует строить отношения с Китаем и Россией, что даст ему возможность заручиться поддержкой «столпов» ШОС для вступления, а значит, получить перспективы выхода на мировую арену [28].

24 марта 2014 г. генеральный секретарь Шанхайской организации сотрудничества Д. Мезенцев провел в Улан-Баторе встречу с министром иностранных дел Монголии Полдом. Было отмечено, что Монголия, как страна-наблюдатель при ШОС, активно участвует в деятельности ШОС, исходя из внешней политики укрепления регионального политического и экономического сотрудничества, и привержена развитию. Экономическое сотрудничество играет существенную роль для обеспечения региональной безопасности, и государства-члены и государства-наблюдатели ШОС имеют большие возможности для осуществления вышеупомянутого сотрудничества. Д. Мезенцев проинформировал о деятельности ШОС, будущей работе и позиции ШОС по смежным вопросам и подтвердил, что ШОС будет расширять сотрудничество со странами-наблюдателями, включая Монголию [10].

Помимо экономического сотрудничества, региональная стабильность также является важным направлением сотрудничества между ШОС и странами-наблюдателями, включая Монголию. 11 февраля 2014 г. заместитель генерального секретаря Шанхайской организации сотрудничества М. Джалолова встретился с представителями стран-наблюдателей – Афганистана, Индии, Ирана, Монголии и Пакистана в Китае в Секретариате ШОС. Стороны обменялись мнениями по дальнейшему укреплению сотрудничества между ШОС и странами-наблюдателями и другим вопросам [9]. В том же году государства-члены подписали Соглашение об облегчении международных автомобильных перевозок

зок между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества, которое открыло новую отправную точку для облегчения перевозок ШОС.

30 ноября 2013 г. в Ташкенте встретились генеральный секретарь Шанхайской организации сотрудничества Д. Мезенцев и заместитель премьер-министра Монголии Д. Тербишдагвой. Д. Мезенцев заявил, что Монголия как первая страна-наблюдатель ШОС может сыграть важную роль в расширении многопрофильного сотрудничества ШОС и имеет большой потенциал *в области транспортного сотрудничества* [11]. Уникальное географическое положение Монголии дает ей много возможностей для ШОС в области транспорта, особенно в рамках сотрудничества с Китаем, Россией и странами Центральной Азии. 25 января 2013 г. генеральный секретарь Шанхайской организации сотрудничества Д. Мезенцев встретился в Секретариате с послом Монголии в Китайской Народной Республике С. Сухбаатаром. С. Сухбаатар заявил, что Монголия будет более активно участвовать в деятельности в рамках ШОС. Стоит отметить, что первое заседание Совета Делового совета ШОС состоялось в Улан-Баторе, стране-наблюдателе при ШОС, что сыграло важную роль в укреплении двустороннего сотрудничества в этой сфере. Монголия готова участвовать в реализации конкретных проектов *сотрудничества в экономической, инвестиционной и гуманитарной сферах ШОС* [12].

24-25 марта 2014 г. генеральный секретарь Шанхайской организации сотрудничества Д. Мезингцев встретился в Улан-Баторе с премьер-министром Монголии А. Хуяге, заместителем премьер-министра Тербихидагвой, министром иностранных дел Л. Болдом и министром транспорта Ган Су. Стороны обменялись мнениями о дальнейшем сотрудничестве между ШОС и Монголией. Монголия высоко оценила ШОС и ее важную роль в регионе и заявила, что она будет укреплять и развивать транспортную инфраструктуру между Монголией и ШОС. Монгольская сторона также познакомила Д. Мезенцева с долгосрочным планированием строительства монгольской железной дороги и статусом существующих строительных проектов [8]. Регулярные встречи лидеров Монголии и ШОС также являются важнейшим фактором их сотрудничества и развития.

Некоторые вопросы сотрудничества в рамках ШОС тесно связаны с развитием Монголии. Например, Соглашение об облегчении международных автомобильных перевозок между государствами-членами ШОС, подписанное в 2014 г., целью которого является повышение конкурентоспособности ШОС на рынке международных и региональных транспортных маршрутов и создание удобных условия для увеличения объемов транзитных перевозок и способствование модернизации инфраструктуры и логистики. Эта цель полностью согласуется с концепцией развития Монголии, поскольку Монголия не имеет выхода к морю, ее экономическое развитие зависит от сухопутных транспортных путей соседних стран. Подобные условия требуют упрощения таможенного оформления с соседними странами для организации транзита товаров. Монголия желает создать транспортный канал между Китаем и Россией, и сотрудничество в области транспорта в рамках ШОС имеет большое значение для Монголии [13].

14 июня 2019 г. в Бишкеке (Киргизия), во время саммита Шанхайской организации сотрудничества состоялась традиционная трехсторонняя встреча лидеров России, Китая и Монголии, на которой председатель КНР Си Цзиньпин сказал, что «если Монголия присоединится к ШОС то, используя преимущества организации монгольское государство сыграет важную роль в сотрудничестве на площадке ШОС и достигнет реальных выгод. Чем скорее Монголия получит статус участника, тем она эффективней использует возможности сотрудничества для собственного развития». В июне 2019 года, президент Монголии Х. Баттулга, выступая с речью на расширенном заседании глав стран-членов ШОС сказал: «Монголия детально изучает возможности участия страны, продвинув свой статус в ШОС... По вопросу вступления Монголии в члены ШОС внутри страны мнение общественности разделилось». Мнения монголов по этому вопросу действительно разделились [34].

Сотрудничество Монголии и Стран Центральной Азии в рамках ШОС. Страны Центральной Азии составляют половину государств-членов ШОС. Монголия и страны Центральной Азии в последние годы постепенно углубляют контакты, что также является одним из факторов, способствующих членству Монголии в ШОС. Приоритетом Монголии, по мнению Н. Сарантуяа, является экономическое сотрудничество Монголии со странами ШОС [32]. Монгольская сторона выражает заинтересованность в создании транспортных коридоров, связывающих Монголию со странами Центральной Азии.

В 2014 г. Великий Государственный Хурал Монголии принял постановление об открытии консульства в Кыргызстане. Данный жест послужил сигналом для укрепления двусторонних отношений между двумя странами. Подписано 18 соглашений о сотрудничестве, большинство из которых находятся в процессе выполнения. Двусторонние отношения между Монголией и Казахстаном также улучшаются. В 2017 г. объем торговли между двумя странами приблизился к 40 миллионам долларов США, увеличившись по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 22%. Во время 7-го заседания межправительственного комитета сотрудничества Монголия-Казахстан, состоявшегося в 2017 г., Монголия и Казахстан подписали меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области геологоразведки, минеральных ресурсов и гражданской авиации. Этот вопрос обсуждался и на предыдущих заседаниях совместного комитета, в результате чего был достигнут консенсус об учреждении инвестиционного фонда между двумя странами и импортом пшеницы из Казахстана в Монголию. Кроме того, в то же время Монголия подписала ряд соглашений с Узбекистаном. В будущем Монголия будет импортировать из Узбекистана сухофрукты, фрукты, овощи и автомобили [14]. Среди государств-членов ШОС, за исключением Китая и России, большинство государств-членов находятся в Центральной Азии. Поэтому сотрудничество со странами Центральной Азии также является важным направлением многопрофильной внешней политики Монголии.

Согласно официальному сайту председательства России в Шанхайской организации сотрудничества с 2014 по 2015 гг., президент Монголии Н. Элбэгдорж заявил, что Монголия очень рада участвовать практически во

всех мероприятиях ШОС в качестве страны-наблюдателя и надеется на присоединение к ШОС большие проекты [24]. Приведенные выше признаки указывают на то, что контакты и обмены между Монголией и странами Центральной Азии также являются важным фактором сотрудничества с ШОС. Еще одним таким примером может послужить сотрудничество Монголии и ШОС в Форуме ученых, а также активных молодежных обменах.

Согласно сообщению РИА Новости, президент Монголии Ц. Элбэгдорж заявил российским журналистам в интервью 18 августа 2014 г. в Улан-Баторе, что Монголия готова более активно участвовать в экономическом сотрудничестве ШОС. На данный момент Монголия не торопится стать полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества [15]. Таким образом, сотрудничество между Монголией и Шанхайской организацией в основном сосредоточено на экономических аспектах. Сотрудничество с масштабными проектами в добыче энергетического сырья в рамках ШОС важно для Монголии. В Монголии есть хорошие возможности для работы в сфере добычи энергетического сырья, такого как уголь и нефть. В добыче и переработке энергетического сырья все страны ШОС имеют огромные общие интересы. На основе масштабных совместных проектов с западными инвесторами и Китаем угольные и другие месторождения Монголии уже находятся в стадии разработки.

Сотрудничество Монголии и Лагерь молодежных обменов ШОС. Культурное сотрудничество между Монголией и ШОС в основном проявляется в молодежных лагерях по обмену. В 2015 г., на саммите ШОС в Уфе, генеральный секретарь Китая Си Цзиньпин предложил Лагерь молодёжных обменов ШОС. Механизм обменных лагерей рассчитан на 5 лет и направлен на укрепление молодежного сотрудничества и продвижение «Шанхайского духа». Первый лагерь молодежных обменов ШОС прошел в августе 2016 года. С 22 по 29 августа 2017 г. в Шанхае, Пекине и других местах успешно прошел второй «Лагерь молодежных обменов Шанхайской организации сотрудничества», организованный Всекитайской федерацией молодежи и проведенный Китайским международным центром молодежных обменов [17].

С 24 по 27 августа 2016 г. по приглашению Всекитайской федерации молодежи 114 представителей из 10 стран ШОС, включая Россию, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Беларусь, Индию, Пакистан, Иран, Афганистан и Монголию, провели первый «Лагерь молодежных обменов ШОС» на тему «Новое будущее сотрудничества ШОС» [16].

29 августа 2017 г. Штаб-квартиру Шанхайской организации сотрудничества в Пекине посетила представительная делегация «Молодежного лагеря ШОС», в которую вошли 150 молодых активистов из государств-членов Организации и государств-наблюдателей ШОС, включая Монголию. Как подчеркнул посол Ван Кайвэнь «ШОС демонстрирует всему миру пример дружбы и сотрудничества народов, принадлежащих к различным культурным и цивилизационным традициям на основе равноправия и умения слушать, слышать и прислушиваться друг к другу» [18].

Монголия и ШОС успешно проводят учёные форумы и Лагеря молодёжных обменов ШОС. Можно отметить усиление гуманитарного сотрудничества

между Монголией и государствами-членами организации. Посредством обменов повышается уровень взаимопонимания и дружеских отношений.

Сотрудничество в сфере дорожной карты. Особое внимание было уделено участию Монголии в ШОС в качестве государства-наблюдателя. Были обсуждены возможные форматы взаимодействия в целях развития сотрудничества в рамках Организации. Генеральный секретарь указал на важность Дорожной карты по развитию взаимодействия Секретариата ШОС с наблюдателями и партнерами по диалогу, принятой в Бишкеке в 2019 г. Посол Монголии подчеркнул необходимость углублять сотрудничество и укреплять позиции Монголии как государства-наблюдателя, используя принятую Дорожную карту, а также обозначил стремление Посольства тесно сотрудничать с Секретариатом Организации. Господин Т. Бадрал высоко оценил успехи недавно прошедшего саммита ШОС в формате видеоконференции, а также отметил роль Организации в обеспечении региональной безопасности и стабильности, ее особый вклад в развитие многостороннего сотрудничества [19]. Посредством развития дорожных карт постепенно растет соотношение расчетов в национальной валюте стран-членов во взаимной торговле и создается евро-азиатский финансовый консультативный механизм. Государства-члены подписали Соглашение об облегчении международных автомобильных перевозок между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества, которое стало новой отправной точкой для упрощения перевозок в пределах ШОС.

Сотрудничество Монголии и ШОС на фоне эпидемии коронавируса.

Двадцатое заседание Совета глав государств Шанхайской организации сотрудничества прошло 10 ноября 2020 г. по видео. В контексте воздействия эпидемии коронавируса на мировую политику и социальную экономику главы государств ШОС обсудили дальнейшее углубление сотрудничества в регионе, продвижение практического сотрудничества в сферах безопасности, экономики и торговли, гуманитарных наук, укрепление политического диалога и поддержание безопасности, стабильности и устойчивого развития. Для ШОС важнейшая цель – совместная формулировка мер по преодолению экономических кризисов, которые никогда не возникали после Второй мировой войны в рамках ШОС. Ситуация, вызванная эпидемией, негативно отразилась на торгово-экономическом сотрудничестве стран ШОС. Например, товарооборот между Россией и другими государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества упал на 7% в годовом исчислении за первые восемь месяцев 2020 г. Кроме того, снизился товарооборот между другими странами-членами ШОС. Поэтому восстановление и укрепление сотрудничества занимает важное место в повестке дня этого саммита. В своем выступлении на саммите президент Монголии Х. Баттулга сказал, что утверждение на саммите «Стратегии развития ШОС до 2025 г.», «Плана действий на 2021–2025 гг.» и других документов имеет важное значение для продвижения организации. Это сыграло важную роль в обеспечении региональной стабильности и безопасности и расширении экономического сотрудничества [21].

Вице-премьер Монголии Я. Содбаатар принял участие и выступил с речью на заседании Совета глав правительств государств-членов Шанхайской ор-

ганизации сотрудничества. В своей речи вице-премьер Монголии подчеркнул необходимость обмениваться информацией о мерах, направленных на снижение воздействия (Covid-19), протянуть руку помощи и оказать поддержку наименее развитым странам в преодолении трудностей, связанных с пандемией, и призвал активизировать взаимодействие. «Монголия заинтересована в развитии связей со странами-членами ШОС во всех сферах, особенно в секторах экономики, сельского хозяйства, инфраструктуры, энергетики и транзитного транспорта, а также в участии в возможных проектах и программах», отметил он в своей речи. Выразив удовлетворение прогрессом в реализации проекта строительства транзитного газопровода из России в Китай через территорию Монголии, Я. Содбаатар сделал особый акцент проектам развития автодорог и центральных, восточных и западных железнодорожных коридоров в рамках программы создания экономического коридора Монголия-Россия-Китай. «Эти проекты вносят важный вклад не только в ускорение экономического роста в регионе, но и в укрепление сотрудничества и взаимного доверия», заявил он.

В ходе заседания участники обсудили широкий спектр вопросов по ключевым направлениям деятельности ШОС, а именно сотрудничество в области политики и безопасности, торгово-экономическое и культурно-гуманитарное взаимодействие. Особый акцент сделан на взаимодействие в области здравоохранения, научных исследований и социально-экономическое восстановление стран в пост-пандемический период. Подчеркнута необходимость совершенствования международного антикризисного управления, укрепления роли Всемирной организации здравоохранения и других межгосударственных структур [27]. В первой половине 2020 г. экономика Монголии находилась в состоянии рецессии. В первом квартале прошлого года несколько торговых портов страны были закрыты, в результате чего экспорт товаров из Монголии за квартал составил всего 2,2 млрд долл. США, что на 28,1% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Во втором квартале, когда эпидемия была взята под контроль, Монголия вновь открыла свои торговые порты, и спад внешней торговли во втором квартале сократился до 20% [31].

С начала 2020 г. внезапная новая эпидемия коронавируса нового типа охватила мир и вызвала экономический спад. Чтобы предотвратить эпидемию, правительства последовательно принимали меры по изоляции городов и ограничению перемещения сотрудников. Это привело к прерыванию глобальных цепочек поставок, откладыванию инвестиционных проектов, а региональное экономическое сотрудничество пришло к стагнации. Это не только ориентир для будущего развития ШОС, но и первостепенная собственная задача. Перед региональным экономическим сотрудничеством в рамках ШОС стоит новый выбор.

Сотрудничество Монголии и ШОС в рамках «Один пояс, один путь». В 2020 г. Ван И отправился в Россию для участия в заседании Совета министров иностранных дел государств-членов ШОС и посетит Россию, Казахстан, Кыргызстан и Монголию. Он также отметил, что Казахстан, Кыргызстан и Монголия являются важными соседями. Китай и Казахстан являются постоянными всеобъемлющими стратегическими партнерами друг друга, а Китай и

Кыргызстан, Китай и Монголия – всеобъемлющими стратегическими партнерами друг друга. В ходе своего визита в три страны государственный советник и министр иностранных дел Ван И встретится с лидерами трех стран и проведет переговоры с министрами иностранных дел трех стран, чтобы укрепить традиционную дружбу с тремя странами, укрепить противоэпидемическое сотрудничество, углублять практическое сотрудничество в различных сферах, способствовать качественному совместному строительству «Один пояс, один путь», тесной координации и сотрудничеству в международных делах [23]. Монголия не только поддерживает инициативу «Один пояс, один путь», но и активно в ней участвует. Строительство экономического коридора Китай – Монголия – Россия в рамках инициативы «Один пояс, один путь» принесет пользу народу Монголии. Монголия и Китай будут продолжать углублять сотрудничество и как можно скорее реализовывать различные достигнутые договоренности.

Выводы. Таким образом, достижения в сотрудничестве Монголии и ШОС можно резюмировать следующим образом:

Во-первых, если провести анализ с точки зрения отношений Монголии с ее крупными соседями – Россией и Китаем – в рамках ШОС, становится очевидным, что тесное и дружеское сотрудничество между великими державами является предпосылкой к дальнейшему развитию ШОС и развитию Монголии в рамках этой организации. Таким образом, сотрудничество с Китаем и Россией – важнейший фактор взаимоотношений Монголии и ШОС.

Во-вторых, сотрудничество между Монголией и Шанхайской организацией в основном сосредоточено на экономических аспектах. Монголия заинтересована в создании транспортных коридоров в Центральную Азию и Россию. Также в сферах энергетики, экономики, транспорта и туризма, дорожной карты и в рамках «Один пояс, один путь», Монголия надеется на присоединение к ШОС.

В-третьих, Монголия и ШОС активно сотрудничают в Форуме ученых и молодежных обменов, что сыграло хорошую роль в углублении взаимопонимания Монголии со странами ШОС в гуманитарной сфере.

В-четвертых, по соображениям национальной безопасности, два соседа Монголии слишком могущественны, и у Монголии недостаточно сил для обеспечения собственной безопасности. Она может полагаться только на дипломатические средства и международные организации для поддержания национальной независимости и безопасности.

Монголия считает, что региональное экономическое сотрудничество является главной опорой стабильного развития ШОС, а также основой для всестороннего развития и экономического процветания всех стран-членов и стран-наблюдателей. Хотя Монголия — небольшая развивающаяся страна, она надеется развиваться вместе с соседними странами и другими странами региона. Однако Монголия не хочет становиться полноправным членом ШОС. Это в будущем может стать основным препятствием на пути дальнейшего сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Авирмэд Б. О перспективах сотрудничества Монголии со странами Шанхайской организации сотрудничества / Б. Авирмэд // Государственная служба, 2015. №6. С. 23–29.
2. Болор. Мэн гу го ю шанхайхэ цзу чжигуан си янь цзю = Исследование отношений между Монголией и Шанхайской организацией сотрудничества: вып. бакалавр. работа / Болор; ХДШФ. Гос. ун-т. Шанхай, 2016. 48 л. (на кит. яз.).
3. Ван Цзинго, Чен Ячжоу. Го цза шэн фэнши цзао сямэн гу го ю шан хай хэ цзу чжи гуан си = Отношения между Монголией и Шанхайской организацией сотрудничества с точки зрения национальной идентичности / Цзинго Ван, Ячжоу Чен // Э луо с янь цзю = Русские исследования, 2019. №5. С. 69–76. (на кит. яз.).
4. Ли Чао, Ян Шу. Юань хэмэн гу гож эн вэй чжэн ши цза жушанхайхэцзу цзучжи? = Почему Монголия официально не вступила в Шанхайскую организацию сотрудничества?/Чао Ли, Шу Ян // Го цзи чжан ван = Международные перспективы. 2015. №1. С. 71–89. (на кит. яз.).
5. Родионов В. А. Монголия и ШОС: сотрудничество на расстоянии / В. А. Родионов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2012. №4 (108). С. 244–250.
6. Родионов В. А. Центральноазиатский вектор внешней политики Монголии: фактор ШОС / В. А. Родионов // Мировая система и межрегиональные отношения. 2012. №4. С. 104–111.
7. Шурхуу Д. Участие Монголии в ШОС и взгляд на перспективы / Д. Шурхуу // Олон улс судлал = Международные исследования. 2011. №1. С. 102–107.
8. Шанхай хэ цзо цзу чжи ми шу чжан юй мэн гу ю гуан жэн ши цзюй син хуй цзянь = Генеральный секретарь Шанхайской организации сотрудничества встретился с соответствующими лицами в Монголии. 25.03.2014. [Электронный ресурс] // Шанхай хэ цзо цзу чжи = ШОС. URL : <http://chn.sectsko.org/news/20140325/22456.html> (дата обращения : 20.03.2021). (на кит. яз.).
9. Шанхай хэ цзо цзу чжи фу ми шу чжан хуй цзянь шан хэ цзу чжи гуан ча юан го чжу хуа ши гуан дай бяо = Заместитель генерального секретаря Шанхайской организации сотрудничества встретился с представителями посольств стран-наблюдателей ШОС в Китае. [Электронный ресурс] // Шанхай хэ цзо цзу чжи = ШОС. 2014. URL : <http://chn.sectsko.org/news/20140211/21973.html> (дата обращения : 20.03.2021). (на кит. яз.).
10. Шанхай хэ цзо цзу чжи ми шу юй мэн гу вай цзяо бу чжан цзюй син хуй цзянь = Генеральный секретарь Шанхайской организации сотрудничества встретился с министром иностранных дел Монголии. [Электронный ресурс] // Шанхай хэ цзо цзу чжи = ШОС. 24.03.2014. URL : <http://chn.sectsko.org/news/20140324/22433.html> (дата обращения : 20.03.2021). (на кит. яз.).
11. О встрече Генерального секретаря ШОС Д. Мезенцева с вице-премьером Монголии Дендевом Тербишдагвой. [Электронный ресурс] // ШОС. URL : <http://rus.sectsko.org/news/20131130/6229.html>. 2013. (дата обращения : 20.03.2021).
12. Генеральный секретарь ШОС встретился с Чрезвычайным и Полномочным Послом Монголии в КНР. 2013. [Электронный ресурс] // ШОС. URL : <http://rus.sectsko.org/news/20130125/2836.html> (дата обращения : 20.03.2021).
13. Мэн гу го хэ ши нэн цзя ру шан хэ цзу чжи чэн юан го дэ син лэ ? = Когда Монголия пополнит ряды государств-членов ШОС? 2018. URL : <http://www.dunjiaodu.com/xinxingguojia/2018-06-30/3083.html> (дата обращения : 20.03.2021). (на кит. яз.).
14. Шанхай хэ цзо цзу чжи фэн хуй = Саммит Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс] // Шанхай хэ цзо цзу чжи = МИД КНР, 2020. URL : https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz681964/lhg_683094/jbqk_683096/t1151401.shtml (дата обращения : 20.03.2021). (на кит. яз.).
15. Мэн гу го цзун тун: шан вэй цзюэ дин Мэн гу чэн вэй шан хэ цзу чжи цюань цюань чэн юан = Президент Монголии: еще не решено, станет ли Монголия полноправным членом ШОС. [Электронный ресурс] // Чжун го-Шанхай хэ цзо цзу чжи го цзи с фа цзао лю хэ цзо

пэй хун цзи ди = Учебная база по международному судебному обмену и сотрудничеству между Китаем и Шанхайской организацией сотрудничества. 2014. URL : <http://cnisco.shupl.edu.cn/2014/0819/c7a341/pagem.htm> (дата обращения : 20.03.2021). (на кит. яз.).

16. Шан хэ цзу чжи цин нянь цзяо лю ин = Лагерь молодежного обмена ШОС. [Электронный ресурс] // Чжун го гун цин туан ван = Китайская коммунистическая молодежная лига. URL : [https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%8A%E5%90%88%E7%BB%84%E7%BB%87%E9%9D%92%E5%B9%B4%E4%BA%A4%E6%B5%81%E8%90%A5#reference-\[2\]-23323105-wrap](https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%8A%E5%90%88%E7%BB%84%E7%BB%87%E9%9D%92%E5%B9%B4%E4%BA%A4%E6%B5%81%E8%90%A5#reference-[2]-23323105-wrap) (дата обращения : 20.03.2021). (на кит. яз.).

17. Ди сан цзе шан хэ цзу чжи цин ниан цзао лю ин цзй йин дао кай ин = В Циндао открылся 3-й лагерь молодежных обменов ШОС. [Электронный ресурс] // Синьхуа. 2018. URL : http://www.xinhuanet.com/2018-07/16/c_129914450.htm (дата обращения : 20.03.2021). (на кит. яз.).

18. Молодые лидеры стран ШОС посетили Штаб-квартиру Организации. [Электронный ресурс] // ШОС. URL : <http://rus.sectsko.org/news/20160829/123598.html>. 2016 (дата обращения : 20.03.2021). (на кит. яз.).

19. Генеральный секретарь ШОС встретился с Послом Монголии в Китае. 2020 [Электронный ресурс] // ШОС. URL : <http://rus.sectsko.org/news/20201113/691398.html> (дата обращения : 20.03.2021).

20. Пу цзин: Е ло сы хуан ин Мэн гу го гэнцзи цзи дэ цань ю шан хэ чжу чжи хуо дун = Путин: Россия приветствует более активное участие Монголии в деятельности ШОС. 2020 [Электронный ресурс] // Е ло сы вэй син тун сун шэ = Российское агентство спутниковых новостей. URL : <http://sputniknews.cn/> (дата обращения : 20.03.2021). (на кит. яз.).

21. Мэн гу го цзай шан хэ чжу чжи жэн жан ба очи гуан ча юань год и вэй = Монголия по-прежнему сохраняет статус страны-наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества. Munkh-Orgil S, 26.11.2020 [Электронный ресурс] // Montsame. URL : <https://www.montsame.mn/cn/read/244644> (дата обращения : 20.03.2021). (на кит. яз.).

22. Мэн гу го хэ ши нэн цзя ж ушан хэ чжу чжи чэн юань го дэ хан люе = Когда Монголия пополнит ряды государств-членов ШОС? 2018 Ли Чао. [Электронный ресурс] // Го цзи гуан си = Международная отношения. URL : <http://www.dunjiaodu.com/xinxingguojia/2018-06-30/3083.html> (дата обращения : 20.03.2021). (на кит. яз.).

23. Ван И цзян пу е чу си шан хэ чжу чжи чэн юань го вай чжан ли ши хуй хуй и бин дуй е ло сы, ха сак э сы тан, цзи эр цзи сы сыт ан, мэн гу го цзин син фан вэн = Ван И отправится в Россию для участия в заседании Совета министров иностранных дел государств-членов ШОС и посетит Россию, Казахстан, Кыргызстан и Монголию. [Электронный ресурс] // Синлан. 2020. URL : <https://tech.sina.com.cn/roll/2020-09-09/doc-iivhvpwy5801844.shtml> (дата обращения : 20.03.2021). (на кит. яз.).

24. Мэн гу го чи дай сан ю шан хэ чжу чжи да син сиан му = Монголия надеется на участие в масштабах проектах [Электронный ресурс] // Е ло сы вэй син тун сун шэ = Российское агентство спутниковых новостей. 2015. URL : <http://sputniknews.cn/politics/201505081014678786/> (дата обращения : 20.03.2021). (на кит. яз.).

25. Монголия задумалась о вступлении в ШОС. [Электронный ресурс] // Интерфакс. 2018. URL : <https://www.interfax.ru/world/629086> (дата обращения : 20.03.2021).

26. Россия поддержит повышение статуса Монголии в ШОС, заявил посол. [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2019. URL : <https://ria.ru/20191203/1561895265.html> (дата обращения : 20.03.2021).

27. Вице-премьер Монголии выступил на заседании Совета глав правительств государств-членов ШОС Ариунбаяр. Б. 2020. URL : <https://montsame.mn/ru/read/245027> (дата обращения : 20.03.2021).

28. Монголия может провести референдум по вопросу вступления в ШОС. Дарья Шулякова, 2018. URL : <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=18540> (дата обращения : 20.03.2021).

29. Монголия может стать следующим членом ШОС. 2014 [Электронный ресурс] // Капитал. URL : <https://kapital.kz/world/31637/mongoliya-mozhet-stat-sleduyushchim-chlenom-shos.html> (дата обращения : 20.03.2021).
30. Монголия пока не намерена становиться полноправным членом ШОС. 2006 [Электронный ресурс] // Ведомости. URL : <https://www.vedomosti.ru/library/news/2006/03/13/mongoliya-roka-ne-namerena-stanovitsya-polnopravnym-chlenom-shos> (дата обращения : 20.03.2021).
31. 2021 г. Мэн гу го цзин цзи чжун юй ю кан дао лэ си ван = 2021 г. Монгольская экономика наконец-то снова обрела надежду [Электронный ресурс] // Синлан сай цзин = Финанс Синлана. URL : <https://finance.sina.com.cn/money/forex/hbfx/2021-02-22/doc-ikftpnnny9102698.shtml> (дата обращения : 20.03.2021). (на кит. яз.).
32. Сарантуяа. Н. Об основных направлениях и перспективах сотрудничества Монголии в рамках ШОС / Н. Сарантуяа // Ежегодник ими, 2015. №2. С. 81–84.
33. Дорожная карта развития сотрудничества между Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой и Монголией на среднесрочную перспективу. URL : <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/jF9vhkLz06Ll8dUCuntCCJ7n099fAfxk.pdf>. С. 1–9 (дата обращения : 20.03.2021).
34. Надо ли торопиться вступать в ШОС? [Электронный ресурс] // Jargal Defacto. URL : <https://jargaldefacto.com/article/nado-li-toropitsiya-wstupati-w-shos> (дата обращения : 20.03.2021).

ОБ ОТНОШЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КНР В РАМКАХ БРИКС

А. Ф. Филимонова

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, anya_bel01@mail.ru

С. Ф. Свилас

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, svilas@tut.by

Цель исследования – характеристика российско-китайских отношений в рамках БРИКС посредством включенного наблюдения, анализа документов, институционального, структурно-функционального, статистического методов, а также системного и междисциплинарного подходов.

Беларусь связывают с Россией и Китаем партнерские отношения, в её внешней политике важное место занимает многосторонняя дипломатия, поэтому деятельность БРИКС, опыт двустороннего и многостороннего сотрудничества на этой платформе представляет практический интерес и для официального Минска. Отметим, что в белорусской историографии эта тема не получила достаточного освещения.

В статье рассмотрены предпосылки и причины членства России и КНР в организации, место и роль этих государств, нормативно-правовая база и структуры взаимодействия, результаты, проблемы и перспективы сотрудничества в различных сферах экономики, включая региональный и приграничный аспекты. Авторы особо останавливаются на объединении усилий Москвы и Пекина по развитию внешней торговли, топливно-энергетических комплексов, газовой сферы, электроэнергетики, логистики, реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь». Подчеркнуто, что отношения России и Китая являются стержнем организационной структуры и деятельности БРИКС, а их развитие соответствуют как национальным интересам этих стран, так и интересам организации в целом.

Ключевые слова: *внешняя политика России; внешняя политика Китая; многосторонняя дипломатия; БРИКС; российско-китайское сотрудничество; инициатива «Один пояс, один путь».*

ON THE RELATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA WITHIN THE FRAMEWORK OF BRICS

A.F. Filimonova

Belarusian State University

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, anya_bel01@mail.ru

S. F. Svilas

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, svilas@tut.by

The purpose of the study is to characterize Sino-Russian relations within the BRICS through participatory observation, document analysis, institutional, structural-functional, statistical methods, as well as systematic and interdisciplinary approaches.

Belarus is linked with Russia and China by partnership relations, multilateral diplomacy occupies an important place in its foreign policy, therefore the activities of the BRICS, the experience of bilateral and multilateral cooperation on this platform are of practical interest for the official Minsk as well. It should be noted that this topic has not received sufficient coverage in the Belarusian historiography.

The article examines the preconditions and reasons for the membership of Russia and the PRC in the organization, the place and role of these states, the regulatory framework and structures of interaction, the results, problems and prospects of cooperation in various spheres of the economy, including regional and cross-border aspects. The authors especially focus on the unification of the efforts of Moscow and Beijing to develop foreign trade, fuel and energy complexes, the gas sector, electricity, logistics, and the implementation of the Chinese Belt and Road Initiative. It was emphasized that relations between Russia and China are the core of the organizational structure and activities of the BRICS, and their development corresponds to both the national interests of these countries and the interests of the organization as a whole.

Keywords: *Russian foreign policy; Chinese foreign policy; multilateral diplomacy; BRICS; Sino-Russian cooperation; Belt and Road Initiative.*

Переломным этапом в развитии современного Китая стал мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., под влиянием которого Пекин сделал акцент на взаимодействии в рамках ведущих международных организаций. В частности, большие надежды возлагались на реформирование валютно-финансовой мировой системы с помощью БРИКС [1]. Эту организацию, основанную в 2006 г., китайское руководство рассматривает в качестве площадки для укрепления отношений как с Востоком, так и с Западом. Она предоставляет возможность обсуждения международной обстановки, экономического взаимодействия, путей развития многовекторной политики. Государства-члены имеют общие взгляды относительно современного миропорядка, а под «желательным мироустройством» понимают недопущение гегемонии какого-либо одного мирового центра, будь то Европейский Союз или США [2].

Китай обладает наибольшим влиянием в организации; другие члены, если исходить из темпов роста и размеров их ВВП, выглядят на его фоне довольно скромно. Значимое место в политике Пекина занимают отношения с Российской Федерацией. Одним из плюсов китайско-российских экономических отношений является взаимодополняемость структуры ВВП. Хотя Китай все еще позиционирует себя в качестве социалистической страны, а Россия – нет, её руководство не желает ассоциировать свою политическую и социально-экономическую систему с Западом. Государства имеют общую границу, наличие которой оказывает существенное влияние на развитие экономического взаимодействия. Статус постоянных членов Совета Безопасности ООН также выдвигает КНР и Российскую Федерацию на первый план среди других участни-

ков БРИКС. Способствуют сближению и совпадающие взгляды на обстановку в мире. В заявлениях и декларациях БРИКС прослеживается тенденция осуждения внешней политики США и Запада, декларируется оказание взаимной помощи в сфере защиты национальных интересов, суверенитета и безопасности [3]. При этом необходимо подчеркнуть, что критика «гегемонизма» США в организации исходит только от России и КНР.

В 2014 г. на саммите БРИКС были подписаны Соглашение по созданию Банка развития и Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве между экспортно-кредитными агентствами. Реализация последнего документа не только позволяет снижать риски при выборе проектов и партнеров, но и укрепляет связи между членами организации в целом. Необходимо также отметить институциональное взаимодействие двух государств. 3 сентября 2015 г. в Пекине В. В. Путин и Си Цзиньпин продлили Соглашение о руководящих принципах деятельности российско-китайского Комитета дружбы, мира и развития, обновили его регламент и принципы работы. В 2004 г. был создан российско-китайский Деловой совет, цель которого – поддержка российско-китайских экономических проектов и улучшение отношений в деловых кругах. Совет призван решать задачи:

- налаживания прямых деловых контактов;
- реализации совместных торгово-экономических и инвестиционных проектов;
- защиты прямых инвестиций;
- урегулирования корпоративных споров [4].

В 2015 г. был создан Совет сотрудничества между регионами Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Главной целью этой структуры является кооперация в сфере логистики, инвестиций, освоении ресурсов, переработки сельхозпродукции и модернизации транспортной инфраструктуры. Позже Совет был преобразован в межправительственную Комиссию по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР [4]. Культурное взаимодействие также играет важную роль в отношениях двух стран. Периодически проводятся встречи делегаций деятелей культуры и науки России и Китая. КНР и РФ имеют общую точку зрения в отношении ситуации на Корейском полуострове. Обе страны развивают связи с КНДР, добиваясь ее возвращения на мировую арену [5].

Главными статьями российского экспорта в Китай являются минеральные продукты, древесина и изделия из древесины, а импорт из Китая в Россию состоит из машин, оборудования и аппаратуры, текстиля [6]. Китай является основным торговым партнером России, в 2009–2019 гг. наблюдался стабильный рост товарооборота между двумя странами, однако в 2020 г. он сократился на 2,9% и составил 107.76 млрд долл. [7]. Данную тенденцию можно объяснить развитием пандемии Covid-19, что повлияло на поставки как России, так и Китая. Отметим, что экономическая стратегия Китая направлена на экспорт своей, в основном технической, продукции. Тем не менее, у КНР растут потребности и в импортных товарах, поэтому быстрое экономическое развитие Китая также

способствует укреплению экономических отношений с Россией. Несмотря на некоторое снижение товарооборота в 2020 г., эксперты обеих стран дают оптимистичный прогноз.

Топливо-энергетический комплекс играет важную роль в экономиках РФ и Китая, они активно взаимодействуют в данной сфере. Сотрудничество выстраивается в рамках энергодIALOGа «Россия – Китай», документально оформленного в мае 2008 г. во время официального визита президента России Д. Медведева в Китай. С мая 2012 г. функционирует межправительственная российско-китайская Комиссия по энергетическому сотрудничеству [8].

В 2009 г. ПАО «Транснефть» запустил в эксплуатацию нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО), который соединил месторождения Сибири с рынками Китая и США. Поставки нефти в Китай с 2011 г. осуществляются также через нефтепровод «Сковородино–Мохэ», их ежегодный объем составляет примерно 25–30 млн тонн. Российские нефтяные компании «Транснефть» и «Роснефть» получили право на поставки нефти в Китай в течение 20 лет. Кроме того, планируется расширить взаимодействие двух стран в сфере освоения арктического шельфа [8].

Россия привлекает иностранные компании для освоения собственных месторождений в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. В 2016 г. Роснефть подписала соглашение с китайской компанией *China National Chemical Corporation (ChemChina)* о сотрудничестве в рамках проекта «Восточной нефтехимической компании» (ВНХК), однако по состоянию на 2019 г. он был приостановлен в связи с высокой капиталоемкостью [8].

Если говорить о российско-китайском сотрудничестве **в газовой сфере**, то в 2014 г. ПАО «Газпром» и Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) заключили договор купли-продажи российского газа по газопроводу «Сила Сибири» сроком на 30 лет, который предполагает ежегодные поставки в объеме 38 млрд куб. м. С декабря 2019 г. в результате запуска в эксплуатацию газопровода «Сила Сибири» начались трубопроводные поставки российского газа в Китай [8].

Важным аспектом экономического взаимодействия двух стран является **электроэнергетика**, что способствует укреплению энергобезопасности в Северо-Восточной Азии, открывает перспективы развития ТЭК обеих стран, позволяет осваивать новые месторождения и разрабатывать более эффективные методы добычи энергоресурсов. Россия же получает необходимую поддержку в финансировании дорогостоящих проектов. Так, в 2012 г. был заключен 25-летний контракт о поставках в Китай электроэнергии акционерным обществом «Восточная энергетическая компания». Спустя три года Россия и Китай заключили договор об установке двух энергоблоков на построенной «Росатомом» Тяньваньской АЭС [8].

Высокого уровня российско-китайское взаимодействие достигло в **логистической сфере**. Проект «Новый Шелковый путь» реализуется Китаем совместно с Россией, Казахстаном, другими странами Евразийского региона и является одной из составляющих стратегии Китая по развитию своих экономически слабых регионов, стимулирует межгосударственную торговлю, сопровож-

дается созданием новых рынков сбыта китайских товаров, а также строительством разветвленной и масштабной транспортной системы. Москва ожидает, что проект будет способствовать развитию многих российских городов, превращению России в крупнейший в мире торговый маршрут, привлечению в страну передовых технологий партнеров. Задача России на следующее десятилетие – увеличить приток китайских инвестиций до 30 млрд долл. [9].

Реализуется еще один перспективный проект стоимостью 1,5 млрд долл – Быстринский завод, расположенный на границе России с Китаем в Забайкальском крае. Этот современный горно-обоганительный комплекс включает более 343 млн. тонн рудных запасов и требующий новой сети автомобильных и железных дорог, а также мощнейшей инфраструктуры. Строительные работы по возведению моста через реку Амур начались в 2016 г., а автомобильное и железнодорожное сообщение было установлено тремя годами позже. В процессе разработки находится еще один проект по транспортировке железной руды из российского рудника Кимкан в Китай. Концепцию коридора предложило совместное предприятие Heilongjiang Bridge. К успешным проектам относят магистральный газопровод «Сила Сибири» российского «Газпрома» и китайского «CNPC» [9].

Авторы считают важным рассмотреть **региональное и приграничное сотрудничество** Китая и России, в котором, помимо среднего и малого, участвует и крупный бизнес. Сотрудничество осуществляется по следующим направлениям: машиностроение, химическая промышленность, геологоразведка, наука и т. д. Проводится работа по строительству транспортного коридора «Западный Китай-Европа». Улучшается товарная структура торговли, развивается её правовая, договорная и контрактная основа.

Одной из наиболее перспективных сфер сотрудничества стало инновационное развитие. Укрепление финансовых связей с Россией будет способствовать становлению юаня в качестве мировой резервной валюты, что необходимо для более полной реализации потенциала страны. Отметим, что такая перспектива оценивается экспертами как долгий и технически сложный процесс [5].

Сотрудничество в Интернет-сфере является ключевым аспектом отношений Китая и России. Наиболее авторитетной платформой реализации китайских товаров в России является Alibaba. Данный ресурс позволяет малому и среднему бизнесу Китая найти новые рынки сбыта в России. Платформа Tmall закупает российские товары, которые китайскими покупателями воспринимаются как экологически чистые. При многочисленных трудностях офлайн продаж российских товаров в Китае, онлайн продажи позволяют продавцам привлечь большую аудиторию [9].

Несмотря на многие плюсы взаимодействия для России с Китаем, необходимо отметить и негативные аспекты. Сближение с Китаем может сопровождаться снижением статуса России как в рамках БРИКС, так и в мировом сообществе. Китай, в отличие от России, ориентируется только на национальные интересы, и, несмотря на благожелательное отношение Пекина к Москве, этот курс может меняться. Политическое сотрудничество двух государств все еще остается на самом высоком уровне, а экономическое из-за недостаточных уси-

лий российских властей в этом направлении, тормозится. Китай, пользуясь тяжелым состоянием российской экономики, добился выгодных для себя цен по закупке природного газа, а его финансовые учреждения с неохотой идут на кредитование российских банков. Однако у России другой альтернативы нет. Хотя Запад и остается важнейшим российским рынком сбыта, в политическом плане Москва не готова делать шаги к близкому с ним сотрудничеству. В то же время КНР заинтересована в развитии отношений с Россией и проявляет инициативу в этом плане [2]. В политических и деловых кругах России существуют опасения по поводу китайской экспансии, обусловленной перенаселенностью, которую, однако, Пекину удалось остановить. Трудовая миграция прежде всего связана с доходами населения, но в последние годы эти показатели Китая достигли российского уровня и даже превысили его [5].

Необходимо отметить существенные недостатки экономического взаимодействия в рамках БРИКС в целом, что влияет и на китайско-российские отношения. Важнейшими негативными факторами являются неравномерное развитие взаимной торговли, в частности, низкий уровень торговли услугами и сохранение относительно высоких внешнеторговых барьеров.

Среди других проблем, стоящих на пути двустороннего взаимодействия, присутствуют: нехватка квалифицированных специалистов в бизнес-сфере, что затрудняет ведение совместного бизнеса и реализацию инвестиционных проектов, таможенные барьеры, неразвитая транспортная инфраструктура [4]. Эксперты считают, что для преодоления указанных негативных аспектов экономических отношений необходимо создание устойчивого экономического блока. Страны БРИКС должны совершенствовать внешнеэкономическую деятельность и укреплять политические связи друг с другом, что повысит статус членства в этой организации [10].

Таким образом, китайско-российские отношения являются стержнем организационной структуры и деятельности БРИКС. Пекин и Москва сходятся в оценках существующего международного порядка, осуждают претензии Вашингтона на мировую гегемонию, его вмешательство в дела суверенных государств [3]. Охлаждение отношений с Западом усилило азиатский вектор развития России, в первую очередь, в направлении Китая. Активизация сотрудничества двух стран продиктована, с китайской стороны, развитием различных инфраструктурных проектов в Азии, усилением роли КНР в глобальном управлении. Перед Россией же стоит вопрос о привлечении финансовых ресурсов (после закрытия западных рынков капитала в результате санкций со стороны ЕС и США) и поиске новых рынков сбыта для сырья, составляющего основу российского экспорта [11]. Сближение России и Китая – это объективная необходимость: Москве необходимы новые рынки и инвестиции, а также взаимовыгодные с экономической и политической точек зрения отношения со странами Азии. Связка «РФ – КНР» позволит их политическому руководству укрепить позиции в Евразии, а также стать инициаторами реализации важных общемировых процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Лексютина Я. В. Китай в БРИКС: первый среди равных / Я. В. Лексютина // Проблемы Дальнего Востока. 2016. №5. С. 11 – 20.
2. Астахов Е. М. БРИКС: перспективы развития / Е. М. Астахов // Вестник МГИМО-Университета. 2016. №1 (46). С. 42 – 50.
3. Коршунов С. А. Российско-китайские отношения – ведущая «ось» БРИКС / С. А. Коршунов // Мир и Политика. The Scientist. 2013. № 10 (85). С. 233 – 241.
4. Кольцов П. М. Российско-китайское сотрудничество: экономические, институциональные, инвестиционные и торговые аспекты / П. М. Кольцов, С. М. Мургаев, С. А. Умгаев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2019. №4. С. 664 – 672.
5. Марцева Т. Г. Взаимодействие Китая и России в рамках БРИКС / Т. Г. Марцева, Я. Г. Небылова // KANT. 2015. №1 (14). С. 30 – 37.
6. Озарнов В. Р. Особенности внешней торговли России со странами БРИКС / В. Р. Озарнов // Теоретическая и прикладная экономика. 2016. № 3. С. 181 – 192.
7. Товарооборот Китая и России в 2020 году сократился на 2,9% [Электронный ресурс] // ТАСС. URL : <https://tass.ru/ekonomika/10455547> (дата обращения : 20.03.2021).
8. Емельянова С. Состояние и перспективы энергетического сотрудничества России и стран БРИКС [Электронный ресурс] / С. Емельянова // РСМД. URL : <https://russiancouncil.ru/blogs/semelianova/sostoyanie-i-perspektivy-energeticheskogo-sotrudnichestva-rossii-i-str/> (дата обращения : 25.03.2021).
9. Григорьева Я. Россия и Китай: потенциал торгово-экономических отношений далеко не исчерпан [Электронный ресурс] / Я. Григорьева // НКИ БРИКС. URL : <http://nkibrics.ru/posts/show/5ca2347e62726930c4320000> (дата обращения : 25.03.2021).
10. Шарова Е. А. Взаимная торговля стран БРИКС на современном этапе / Е. А. Шарова // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 2 (35). С. 150 – 174.
11. Горбунова М. Л. Потенциал развития китайско-российских политических и экономических отношений на современном этапе / М. Л. Горбунова [и др.] // Власть. 2015. № 11. С. 21 – 28.

РОЛЬ КИТАЯ В СОЗДАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА (2001–2012 ГГ.)

Чжоу Лэчжэн

*Белорусский государственный университет,
пр-т. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, zhoulezheng@hotmail.com*

В статье рассматривается практическая роль Китая в деятельности Шанхайской организации сотрудничества в период председательства Ху Цзиньтао. Раскрыты цели создания организации, показаны направления и способы сотрудничества. Отмечены достижения и выявлены проблемные вопросы в функционировании Шанхайской организации сотрудничества.

Ключевые слова: *Шанхайская организация сотрудничества; Шанхайский дух; принципы сотрудничества.*

CHINA'S ROLE IN THE ESTABLISHMENT AND OPERATION OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION (2001–2012)

Zhou Lezheng

*Belarusian State University
Niezalieznasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus,
zhoulezheng@hotmail.com*

The article considers the practical role of China in the work of the Shanghai Cooperation Organization during the chairmanship of Hu Jintao, discloses the goals of creating the organization, shows the directions and methods of cooperation. Achievements were noted and problematic issues in the functioning of the Shanghai Cooperation Organization were identified.

Key words: *Shanghai Cooperation Organization; Shanghai spirit; principles of cooperation.*

Прототипом Шанхайской организации сотрудничества был механизм встреч Шанхайской пятерки, состоящей из Китая, России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. 14 июня 2001 г. в Шанхае состоялась шестая встреча глав государств Шанхайской пятерки, на которой Узбекистан получил статус государства-члена организации. 15 июня 2001 г. главы шести государств провели первую встречу и подписали «Декларацию о создании Шанхайской организации сотрудничества» [1].

В июне 2002 г. на второй встрече главы государств-членов ШОС подписали Хартию Шанхайской организации сотрудничества. В Хартии четко изложены основные положения и цели Шанхайской организации сотрудничества, структура организации, форма работы, направление сотрудничества и диплома-

тических отношений, что с точки зрения международного права доказывает подлинность создания организации. ШОС – единственная региональная международная организация, созданная в Китае, названная в честь китайского города, со штаб-квартирой в Китае. Шанхайская организация сотрудничества установила тесные связи и наладила сотрудничество с международными и региональными организациями, такими как ООН (статус наблюдателя в Генеральной Ассамблее), АСЕАН и СНГ [2].

В 2012 г. общая численность населения государств-членов организации составляла 1,525 млрд. чел., что равнялось четверти населения планеты, со странами-наблюдателями она равнялась более 2,8 млрд. чел., почти половина мирового населения. Общая территория входящих в ШОС стран-членов превышала 31,8 млн. кв. км, что составляет три пятых Евразийского континента. Вместе со странами-наблюдателями на 2012 г. общая площадь территорий превышала 37,8 млн. кв. км. [3].

Цель ШОС заключается в укреплении добрососедского взаимного доверия и дружественного сотрудничества между государствами-членами, поддержании региональной безопасности, содействии экономическому развитию в регионе и государствах-членах, а также содействию установлению справедливого и разумного нового международного политического и экономического порядка. Организация придерживается принципов «Шанхайского духа» [4], под которым понимается: строгое соблюдение целей Устава Организации Объединенных Наций; отстаивание равенства всех государств-членов, регулирование вопросов путем переговоров; принципы неприсоединения и внешней открытости; взаимное доверие, взаимовыгода, равенство, диалог, уважение к различным культурам и стремление к общему развитию.

На момент создания организации в её состав вошли шесть стран – Китайская Народная Республика, Российская Федерация, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан.

Пять стран имели статус государства-наблюдателя при ШОС – Республика Монголия, Исламская Республика Пакистан, Исламская Республика Иран, Республика Индия, Исламская Республика Афганистан.

Три страны являлись партнёрами ШОС по диалогу – Республика Беларусь, Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка, Турецкая Республика.

Безопасность и экономика – это две основные опоры ШОС. Её осью является гуманитарный обмен, а изюминкой – «Шанхайский дух», разделяемый государствами-членами. Безопасность – это первая область сотрудничества, инициированная ШОС. В рассматриваемый период сотрудничество в области безопасности распространилось на все уровни и расширилось на множество механизмов. По мере развития регионального и международного положения, происходило углубление сотрудничества ШОС в области безопасности. Совместная борьба с «тремя силами зла»: терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом постепенно становилась ядром сотрудничества в области безопасности. 15 июня 2001 г., в день создания Шанхайской организации сотрудничества, страны-участницы подписали Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом,

сепаратизмом и экстремизмом [5]. Инцидент «11 сентября» в США позже подтвердил, что этот шаг ШОС отразил ее верное суждение об изменениях в международной ситуации.

В 2004 г. в Ташкенте было провозглашено создание регионального антитеррористического органа ШОС, и были реализованы конкретные меры сотрудничества, такие как обмен контртеррористической информацией и подготовка кадров; были демонстрированы совместные антитеррористические учения с участием нескольких стран-членов, что породило огромный сдерживающий терроризм фактор [6]. Государства-члены ШОС подписали ряд документов о сотрудничестве в области безопасности, такие как антитеррористические конвенции, соглашения о сотрудничестве в борьбе с наркотиками, организованной преступностью и ряд других. Они постепенно расширили сферу сотрудничества до вопросов стратегической безопасности и обороны, безопасности правоохранительных органов, информационной безопасности, борьбы с наркотиками, отмыванием денег и транснациональной организованной преступностью [7].

На 12-м заседании Совета глав государств Шанхайской организации сотрудничества 06 июня 2012 г. председатель КНР Ху Цзиньтао выступил с речью «Поддержание прочного мира и содействие общему процветанию». Он проанализировал международную и региональную ситуацию, возможности и вызовы, стоящие перед ШОС, и четко обозначил будущее направление развития организации [8]. В официальном документе «Национальная оборона Китая в 2010 году», опубликованном 31 марта 2010 г., отмечалось, что совместные учения Народно-освободительной армии Китая и иностранных вооруженных сил должны придерживаться политики неприсоединения, неконфронтации и стратегической взаимности, равенства, а также принципа вовлеченности и взаимной реализации [9].

Экономика является наиболее важной сферой сотрудничества ШОС. Она внесла большой вклад во все области сотрудничества, чтобы противостоять международному финансовому кризису и принести пользу народам всех стран. Если безопасность – это левая опора ШОС, то экономика – её правая опора. В рассматриваемый период ШОС добилась прогресса в региональном экономическом сотрудничестве. Содействие торговле и инвестициям привело к прогрессу в реализации проектов межсетевого взаимодействия. К 2012 г. ШОС создала механизм партнерства, который способствовал двустороннему сотрудничеству через многосторонность и укреплял многосторонность через двустороннее сотрудничество. Китайско-российское стратегическое партнерство, китайско-казахстанское стратегическое партнерство, дружественное сотрудничество между Китаем и Узбекистаном и другими государствами-членами организации были и остаются краеугольными камнями многостороннего сотрудничества. В течение этого периода Китай предоставил льготные кредиты другим государствам-участникам, что способствовало их взаимному сотрудничеству и экономическому развитию. В 2001–2012 гг. объем торговли между Китаем и государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества увеличился с 12,1 млрд. до почти 100 млрд. долл. США [10].

Государства-члены ШОС в значительной степени дополняют друг друга в экономике, богаты природными ресурсами, имеют обширный рынок, сильны в науке, технологиях, они обладают высококвалифицированными кадрами и большим потенциалом для сотрудничества. Двустороннее сотрудничество по-прежнему занимает доминирующее положение по сравнению с многосторонним. Поэтому укрепление многостороннего экономического сотрудничества стало важнейшей стратегической задачей ШОС. В новой ситуации, когда стремление к миру и развитию, продвижение сотрудничества стало веянием времени, ШОС сыграла огромную роль в экономическом сотрудничестве.

Гуманизм является наиболее перспективной и далеко идущей областью сотрудничества ШОС. Есть древняя китайская поговорка: «близкие соседи лучше старой родни». Если сотрудничество в области безопасности и экономическое сотрудничество являются двумя опорами ШОС, то гуманитарное сотрудничество – соединяющая ось. Успех гуманитарного сотрудничества ШОС заключается в правильном общении между государствами-членами. Большинство стран-участниц ШОС имеют общую историю и когда-то жили одной большой семьей (бывший СССР). Русский язык и литература влияли на эти страны на протяжении нескольких поколений и сегодня стали ценным ресурсом. В то же время государства-члены ШОС имеют свои традиции и культурное наследие. А различия привлекают, что очень ценно в культурных взаимоотношениях.

В течение рассматриваемого периода Шанхайская организация сотрудничества уделяла повышенное внимание сотрудничеству в гуманитарной сфере и активно продвигала развитие традиционных дружеских отношений между государствами-членами. Сотрудничество между странами-членами в области культуры, образования, здравоохранения, науки и технологий, спорта, туризма также постоянно развивалось.

ШОС – это основная площадка влияния Китая в Центральной Азии. Особенность Шанхайской организации сотрудничества заключается в том, что это не еще одна западная организация, в «дверь которой Китаю нужно постучать», чтобы подать заявку на членство; это, по сути, организация, созданная Пекином для продвижения региональных интересов, поэтому она занимает особое положение в международных отношениях Азии и внешней политике КНР. Именно потому, что организация представляет собой новую незападную концепцию в международных отношениях, она сыграла важную роль в развитии сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии и продвижении основных целей Китая в области безопасности в регионе. Например, главной заботой Китая в Центральной Азии является территориальная целостность и сдерживание попыток раскола Восточного Туркестана в Синьцзяне. ШОС не только стабилизировала границы Китая со странами Центральной Азии, но и обеспечила Китаю сотрудничество в области региональной безопасности, необходимое для поддержания его территориальной целостности. Преимущество ШОС заключается в том, что она предоставляла платформу Китаю, странам Центральной Азии и России для обсуждения вопросов, представляющих общий интерес. Не-

достаток ШОС заключается в том, что она еще не достаточно сильна и не определила в достаточной мере свою роль в международной политике [11, р. 242].

В указанный период международный статус и влияние организации продолжали расти. Цель и принципы Шанхайской организации сотрудничества получили признание международного сообщества, и все больше стран и международных организаций стремились наладить сотрудничество с ней. Благодаря собственным усилиям Шанхайская организация сотрудничества была признана ООН важной региональной организацией в сфере безопасности. За 12 лет с момента своего создания ШОС превратилась из новой организации регионального сотрудничества в конструктивную силу регионального мира, стабильности и развития. Основная причина этого заключается в том, что она придерживалась принципов «Шанхайского духа»: взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства, диалога, взаимоуважения и стремления к общему развитию, которые служат основным критерием сотрудничества между странами-членами. Выбранные ШОС путь развития и метод сотрудничества соответствовали общим интересам всех государств-членов и основным направлениям мира, развития и сотрудничества.

Накануне 12-го заседания Совета глав государств ШОС, когда Ху Цзиньтао принял участие в совместном письменном интервью руководителей государств-членов этой организации, он подчеркнул, что «мир переживает период великого развития, трансформации и корректировки, и все страны стоят перед беспрецедентными возможностями и вызовами». Далее он отметил, что: «следующее десятилетие будет критическим периодом для развития, как государств-членов, так и организации в целом». Китайский руководитель высказался в поддержку «Шанхайского духа» и за строительство новой модели сотрудничества в регионе, которая бы содействовала защите общих интересов государств-членов и региональному экономическому развитию [12].

Для Китая «Шанхайский дух» – это ключ к укреплению ШОС и развития новой модели международных отношений после «холодной войны». Он воплощен в трех принципах: первый – это принцип консенсуса, когда все государства-члены сотрудничают в направлении расширения общих интересов, что способствует достижению единогласия между сторонами. Второй принцип – создание новой модели межгосударственного сотрудничества. Третий принцип – уважение разнообразия культур, стремление к гармоническому развитию и невмешательству во внутренние дела других стран [13].

В современном мире все страны, большие и малые, имеют одинаковое право на развитие и существование, а также право выбирать свой путь развития. Ни одна страна не имеет права вмешиваться во внутренние дела других стран, в особенности навязывать свои ценности. В этом отношении принципы Шанхайского духа по-прежнему имеют большую жизнеутверждающую силу.

В течение 12 лет с момента создания ШОС, которые совпали со временем руководства Китаем председателем Ху Цзиньтао, она сыграла огромную роль в поддержании региональной стабильности, содействии экономическому сотрудничеству и укреплению дипломатических отношений между государствами-членами. Страны-члены ШОС достигли взаимопонимания в сфере поддержания

региональной стабильности. Все вышеперечисленное создало необходимые внешние условия для развития экономики, а также создания и укрепления суверенных независимых отношений между странами-членами. ШОС заложила прочную основу для сотрудничества с Евразийским экономическим союзом, ускорив процесс евразийской экономической интеграции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. 2001. URL : <http://rus.sectsc.org/documents/20010615/43372.html> (дата обращения : 05.02.2021).
2. Хартия Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. 2002. URL : <http://rus.sectsc.org/documents/20020607/43551.html> (дата обращения : 07.02.2021).
3. Обзор Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. 2015. URL : <http://www.huaxia.com/xw/dlxw/2015/07/4473475.html> (дата обращения : 08.02.2021).
4. Шанхайская организация сотрудничества: продолжая прошлое и открывая будущее, широкие перспективы [Электронный ресурс]. 2012. URL : <http://chn.sectsc.org/news/20120301/17989.html> (дата обращения : 08.02.2021).
5. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс]. 2021. URL : <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2613> (дата обращения : 10.02.2021).
6. Узбекистан и Шанхайская организация сотрудничества [Электронный ресурс]. 2018. URL : http://testhistory.ru/history.php?id=his_5_122 (дата обращения : 12.02.2021).
7. Blake R. Central Asian Convergence: China and South Asia's Role / R. Blake. – New York, 2019. 45 p.
8. 12-е заседание Совета глав государств Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. 2012. URL : <https://baike.baidu.com/item/上海合作组织成员国元首理事会第十二次会议/2229958?fr=aladdin> (дата обращения : 12.02.2021).
9. Национальная оборона Китая в 2010 году [Электронный ресурс] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. 2011. URL : http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2011-10/20/content_23676601.htm (дата обращения : 12.02.2021).
10. Экономическое сотрудничество ШОС [Электронный ресурс]. 2011. URL : http://www.chinadaily.com.cn/hqpl/2011-06/14/content_12693471.htm (дата обращения : 12.02.2021).
11. Sun Li. Yellow Book of Central Asia: Annual Report on Development of Central Asia / Li Sun. Beijing, 2012. 358 p.
12. Ху Цзиньтао дал совместное письменное интервью с государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. 2012. URL : http://www.gov.cn/govweb/ldhd/2012-06/06/content_2154211.htm (дата обращения : 15.02.2021).
13. Три принципа Шанхайского духа [Электронный ресурс]. 2018. URL : http://www.chinadaily.com.cn/hqpl/2011-06/14/content_12693471.htm. (дата обращения : 15.02.2021).

POST-COVID-19 SITUATION: CHALLENGES FOR THE EUROPEAN UNION AND THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Francisco Eduardo Haz-Gomez

University of Murcia

Faculty of Economics and Management (Building 9), Campus de Espinardo, 30100 – Murcia, Spain, francisco.haz@um.es

The international scene is undergoing a profound reconfiguration that has been brewing for some decades now. However, it is equally undeniable that the pandemic caused by Covid-19 will accelerate that process. This paper analyzes the contexts and response proposals that the European Union and the Eurasian Economic Union give to face a post-pandemic scenario. The methodology used is the analysis of different official and scientific documentary sources. Among the results obtained, the main one is that in an unstable world characterized by incentives within these two organizations, there is a consensus that greater integration among its members is a key element for their subsistence. In addition, it is highlighted that in both cases the levels of interrelation and development of its members are diverse and complex. Thus, it should be borne in mind that these differences between countries can only be overcome if there is growth favored by a large investment, adapting to the standards of the new economy for a new normality. Since the neoliberal economic recipes of budget cuts applied by the different countries as a result of the 2008 financial crisis turned out to be counterproductive.

Key words: *European Union; Eurasian Economic Union; COVID-19; Crisis; Pandemic; International Economic System; Regional Partnership; Multipolarity; International Integration.*

СИТУАЦИЯ ПОСЛЕ COVID-19: ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Франсиско Эдуардо Хаз-Гомес

Мурсийский университет

Факультет экономики и менеджмента (Корпус 9), Кампус де Эспинардо, 30100 – Мурсия, Испания, francisco.haz@um.es

Международная арена переживает глубокую реконфигурацию, которая назревает уже несколько десятилетий. Однако столь же неоспоримо, что пандемия, вызванная COVID-19, ускорит этот процесс. В данной статье анализируются контексты и ответные предложения, которые Европейский союз и Евразийский экономический союз дают на постпандемический сценарий. В качестве методологии используется анализ различных официальных и научных документальных источников. Среди полученных результатов главным является то, что в нестабильном мире, характеризующемся стимулами внутри этих двух организаций, существует консенсус в отношении того, что большая интеграция

между ее членами является ключевым элементом их существования. В совокупности подчеркивается, что в обоих случаях уровни взаимосвязи и развития ее членов многообразны и сложны. Таким образом, следует иметь в виду, что эти различия между странами могут быть преодолены только при условии роста, благоприятствуемого крупными инвестициями, адаптации к стандартам новой экономики для новой нормальности. Поскольку неолиберальные экономические рецепты сокращения бюджета, применяемые разными странами в результате финансового кризиса 2008 года, оказались контрпродуктивными.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; COVID-19; корона-вирус; пандемия, Россия, Китай, Европейский Союз, международная система; геополитика, многополярность.

Introduction. The global crisis caused by COVID-19 may have consequences that alter different areas at the international level. The impact of the pandemic could be felt differently in national economies. That impact could alter the normal flow of goods and services that has been globalized with more intensity since the end of the 20th century. This could lead to a recession and an unfavorable scenario, where the capacity of governments would have to cope with social discontent context and protests. Besides, the pandemic situation itself raises a situation of suspicion among the different economic blocs. Hence, supranational organizations such as the European Union or the Eurasian Economic Union, can play a fundamental role for the support and solidarity of their members [1].

In the case of the European Union, the lack of American leadership during the crisis, the departure of the United Kingdom (Brexit) from the European Union and the lack of a common and articulated response, especially at the beginning of the pandemic, make the future of the European Union goes through a deep restructuring that is not without risks. Faced with this situation, when Atlantic relations (Europe-United States) are at one of their lowest moments [2, p. 153]. The European Union should reorient its alliances at the regional level, focusing on the idea of Eurasia as a bloc of commercial and diplomatic alliances.

After long decades of progress and well-being thanks to relations between the United States and the European Union, Europe in the early 2020s faces a new reality. The reconfiguration of the international order where the European Union has not just found its place. To this must be added the health crisis triggered by COVID-19 [2, p. 149]. The future of the European Union depends on how it manages this new reality in a world full of international uncertainty.

It can be said, without fear of being wrong, that the 2020s will be dominated by a globalization different from what might be expected. COVID-19 could be a “historic accelerator” [3, p. 1206] of the trends that were already observed before the pandemic, such as the blockade of the multilateral order and geopolitical disorder due to competition between China and the United States that during Trump’s mandate (2017–2021) had practiced an isolationist policy and a protectionist economy. The course of United States foreign policy has left the European Union in “no man’s land”, despite the boost that its main members want to give as a geopolitical power.

The geopolitical objectives to which the European Union must assume are related, not to the interests of Atlantic relations, but to its neighboring countries. These relationships involve the Balkan countries, the southern Mediterranean countries and those Eastern European countries that do not belong to the European Union [3, p. 1206]. The alliance between the United States and the United Kingdom, once it has left the European Union, configures a new scenario where the British go from partners to competitors.

In view of the events to which we refer, it is easy to conclude that the crisis caused by the COVID-19 pandemic came when the European Union was already experiencing difficult times both internally and externally. Thus, the first reactions of the Member States and of the Commission itself at the beginning of the pandemic, where the most critical situations were mainly in southern countries, should not be surprising. Although later partially corrected, protectionist decisions that were adopted by the so-called “frugal countries” (Austria, Holland, Denmark and Sweden) such as the prohibition of supplying sanitary material to the neighbor will remain in the memory of citizens as proof of the lack of cohesion and solidarity between partners. Furthermore, this situation revealed the inability of the Brussels authorities to take forceful and effective measures sent a clear message about the effectiveness and usefulness of the European Union [2, p. 155].

It is still too early to get a proper analytical perspective on the full repercussions of a post-COVID-19 future. However, it seems clear that the economic crisis will be global and very damaging. The scope of this crisis will go beyond the economic, regardless of whether its duration is long or short and whether the recovery will be “in V, in U or in L” [2, p. 156]. What is clear is that having an early vaccination can mitigate the impact. In this sense, those countries that are willing to access vaccines start from a more advantageous position. Everything indicates that the most dynamic economies will be, and the regional alliances that will initiate with their partners a protocol of “vaccine diplomacy” [4] in order to obtain a mutual benefit in exiting the crisis. This is closely related to the two international organizations that are analyzed with in this paper, both the European Union and the Eurasian Economic Union.

European Union response

This post-pandemic crisis will affect the citizenship of all Member States and their economies. This did not occur in the financial crisis that began in 2008, where the most affected partner nations had to overcome “alone” the effects produced within their national economies. Therefore, we must emphasize that the great difference of this crisis with respect to the previous one and this is the response of economic policy at the European level. On the one hand, a series of funds were set up through which the European Union will be able to lend money at reduced interest to its member states. On the other hand, the European Council approved the creation of a European recovery plan, called Next Generation European Union [5], with a financial capacity of 750,000 million euros. The main component of this plan is the Recovery and Resilience Mechanism, which will grant € 312.5 billion in non-reimbursable transfers and € 360 billion in loans between 2021 and 2026 to EU Member States to finance investment projects and reforms that promote the recovery and improve na-

tional economies [6]. Crucially, the amounts available to each country will depend on the severity of the crisis in the country. This is an historic agreement, as it will be the first time that the European Union has issued community debt to transfer such large amounts of funds to its Member States. This recovery plan was created to support Member States' efforts to respond to the COVID-19 crisis and drive the ecological and digital transition. The objective is to achieve a huge increase in public investment, which has been weak in the euro area in the last 10 years, especially in the countries with the highest public debt, those that suffered the most from the 2008 crisis. Lack of public investment was one of the main causes of the growing distance between European economies [7, p. 31]. Thanks to this plan, countries will be able to invest in investment projects and national reforms. All this, without provoking again a north-south confrontation that was already seen during the 2008 crisis. Although during the first quarter of 2020 there was an attempt to blockade between "frugal countries" and affected countries, this was overcome by the extension of the health emergency to all members of the European Union.

Another key element for this recovery plan has been the joint position of the four main economies of the European Union (Germany, France, Italy and Spain). The commitment to public investment has not convinced the European Central Bank. At first it had to overcome the reluctance of its president Christine Lagarde to finance measures against the economic crisis that was coming [3, p. 1213]. It seems clear that the European Union changes its strategy in the face of the future economic crisis caused by the Covid-19 pandemic. On the one hand, promoting public investment and taking advantage to renew the economy of the countries most affected by the 2008 crisis. And, on the other hand, abandoning, in principle, the policy of containment of spending and neoliberal budget cuts.

Analysis among the Eurasian Economic Union partners

The experts discussed the impact of the COVID-19 pandemic on the sustainable development of the EAEU. On March 12, the Eurasian Economic Commission held its thematic session "The COVID-19 pandemic and sustainable development in the regional integration partnership: the experience of the EAEU" [8] on the eve of the Regional Forum on Sustainable Development for the region of the UN Economic Commission for Europe.

The assistants have considered some perspectives of recovery of the States and countries of the Eurasian Economic Union of the whole world after the coronavirus pandemic. Certain economic sectors of the EAEU showed growth in the context of the general negative dynamics. As a result, the decline in the EAEU was less significant compared to other developed countries and integration associations around the world, including the European Union [8].

The pandemic has highlighted the links between the environmental, economic and social aspects of sustainable development. These fit perfectly with the Strategic Guidelines for the development of Eurasian Economic Integration until 2025, which, among other things, foresees the creation of conditions for advanced economic development, increasing investment and innovation activities, promoting quality employment.

The social aspects of the COVID-19 pandemic focus on the fact that the general population of member countries is still concerned about the rising cost of living, utility rates and food prices, as well as the growing distance social between the poor and the rich. Added to this were some concerns about health and access to health services. Along with that, the lower subjective economic well-being, the lower concern about the probability of illness are other issues that concern most of the people.

The prospects for post-pandemic economic development are in lively debate among the different members of the Eurasian Economic Union. The pandemic has catalyzed structural changes in the world economy, therefore providing a stimulus for the establishment of a nucleus for a new economic paradigm and scientific. In this situation, the prompt development of government stabilization measures is as important as ever. This thesis has become the main topic of the international macroeconomic seminar “COVID-19 Pandemics: Symptomatic World Economy and Treatment”, organized by the Eurasian Economic Commission with the Interstate Bank. Where there was a debate on what the “new normal” will be like in the world economy and how it could affect in the member states of the EAEU.

Within the Eurasian Economic Union, the scenarios for the development of the world economy after the pandemic have been presented. Where it is stated that the recovery of the world economy is much more likely to follow the “K” rather than “V” or “U” pattern [8]. This would increase the gap between rich and poor, leading to a worsening of inequalities.

From her point of view, Nobuya Haraguchi described the scope of the crisis from the perspective of changes in industrial value added. Compared to the financial crisis of 2008, during COVID-19 pandemics, industrial production experiences a steeper decline. However, so far, we have also witnessed a faster recovery [...]. This coincides with the proposals made by the authorities of the European Union on how to overcome this crisis.

The challenges and prospects that COVID-19 has engendered can provide a boost for regional integration. In this regard, the director of the Valdai Discussion Club Program: It is not enough that regional integration associations continue, as usual, until the next economic crisis. What is needed is to elaborate in advance the response and cooperation mechanisms during crises” [8]. However, the need for greater integration between the Member States seems complicated because the Eurasian Economic Union is still in the process of growth and development [9].

Conclusions

Recovery from recession should not be instantaneous for all countries in the world, depending on factors such as access to vaccines or mutual cooperation. In this sense, the importance of strengthening international associations gains momentum. In any case, as contradictory as it may seem, this crisis has undoubtedly led to a greater willingness for regional integrations to progress even further, especially in the European Union and the Eurasian Union.

If something is clear in the pandemic, it is that it is not private initiatives, nor austerity policies and budget cuts, which provide solutions to the crisis that led to the collapse of health systems even in developed countries. This calls into question the thesis of the minimal state formulated by neoliberal thought as a condition for devel-

opment. This complex reality repositions the State, and regional associations, as the main guarantor of collective well-being and as the only instrument of social and political power in catastrophic contexts for national economies.

In the current scenario, the European Union does not seem to have any other option than to deepen its consolidation as a global actor, advance in the strengthening of its institutions and equip itself with strategic autonomy. For its part, the Eurasian Economic Union may find an impetus for integration in the wake of this crisis, as its structures are in full development.

References

1. ESCAP-East and North-East Asia Office (24/12/2020). Regional responses to Covid-19: challenges and prospects. (Analyst: Denis Degterev) the North-East Asia Development Cooperation Forum in 2020.
2. Dacoba. F. (2020). Europe has no one to kidnap her. In Spanish Institute of Strategic Studies Bulletin. Ed. Ministry of Defense (Government of Spain) No. 18 April / June. P. 149–159. (Spanish)
3. Benedicto. M. (2020). Europe challenges and its future after the COVID-19 pandemic. In Spanish Institute of Strategic Studies Bulletin. Ed. Ministry of Defense (Government of Spain) No. 18 April / June. P. 1204–1216. (Spanish)
4. БЕЛТА – Новости Беларуси (08/02/2021). Страны ЕАЭС будут совместно производить вакцину от COVID-19 – ЕЭК. (Russian)
5. European Commission (2020). Recovery plan for Europe. European Union. (Spanish)
6. European Commission (2020). Plan Next Generation EU. European Union. (Spanish)
7. Leandro, A. (2020). Post-COVID-19 Europe: a story of convergence or divergence? CaixaBank Research. (Spanish)
8. Eurasian Economic Commission (30/11/2020). The Prospects for Post-Pandemic Economic Development are under Discussion in EEC. (English)
9. Eurasian Economic Commission (25/03/2021). Mikhail Myasnikovich: “Coronavirus tests our Union to destruction”. (English)

Научное издание

**ЕАЭС И ШОС:
ПО ПУТИ ВЗАИМОВЫГОДНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА**

**Материалы
международного круглого стола
по инновациям в международных исследованиях**

В авторской редакции

Ответственные за выпуск

И. В. Протченко, Р. И. Франтищук, Д. В. Махнач

Подписано в печать 19.07.2021. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 4,42. Уч.-изд. л. 5,00.

Тираж экз. Заказ

Белорусский государственный университет.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика

ДЛЯ ЗАПИСЕЙ

ДЛЯ ЗАПИСЕЙ